

АЛЕКСАНДР КОЗИН

НАЙДЕННЫЕ ВО ВРЕМЕНИ

РОМАН

Александр Козин

Найденные во времени

«Алгоритм»

2016

УДК 82-311.2
ББК 83.3

Козин А.

Найденные во времени / А. Козин — «Алгоритм», 2016

Автор романа А. Козин тонко и многогранно показал мистическое слияние прошлого и настоящего. Становление как христианина, древнерусского воина IV века от Р.Х. Алексы и современного поэта, журналиста Александра в 80-х годах XX столетия – воцерковление одной личности. Да и все герои романа, живущие в современной Александру Москве, живут одновременно и в далеком прошлом... Их падения и подвиги, казалось бы, различны по своей сути... Но это – только на первый взгляд. Время в романе легко смещается и в ту, и в другую сторону. Потому что духовные события видимым образом совершаются в Вечности, где нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

УДК 82-311.2
ББК 83.3

© Козин А., 2016
© Алгоритм, 2016

Александр Козин

Найденные во времени

Предисловие

Уважаемый читатель! Перед тобою – начало уникального романа. О чем же он? О далеком прошлом и о нашем настоящем. О земном и Небесном. Он – о временной жизни, протекающей на фоне Вечности, и – о запечатленной в Вечности.

Давно известно, что все наши предки живут в нас. Наука называет это явление «генной памятью». Она доказала, что вся информация о предках человека фиксируется в его генах и передается из рода в род. На самом же деле всё сложнее и... проще. Гены несут в себе память предков. Но есть и другие нити, которые прочно связывают каждого из нас с нашими пращурами: это – духовное родство. Поэтому предки живут в нас не только в виде зашифрованной информации! Они живут в нас реально, лично, формируя наши характеры и темпераменты, участвуя в наших повседневных делах и заботах, пытаются подсказать, как нам выстроить свою жизнь.

Если ты, уважаемый читатель, воцерковлен, считаешь себя Православным Христианином, то знаешь, насколько тесно соприкасаются прошедшие эпохи с нашей, а земное – с Небесным, через воздействие на нашу реальность святых угодников Божиих – с одной стороны, а злых духов – с другой.

Но не только наши предки влияют на нашу жизнь. Мы так же своими поступками, словами, помыслами и чувствами можем изменить «дела рук их» – вымолить, например, у Господа прощение грешников, попавших в преисподнюю: грехи, совершенные предками, мы можем покрыть своим покаянием, добродетелями, милостыней, всей жизнью. И наоборот: все то благое, что было наработано пращурами, мы можем перечеркнуть своими непотребными и греховными наклонностями. А они в свою очередь передадутся на искупление нашим потомкам. Мы – единое целое в духовном становлении каждой отдельной личности всего рода.

Автор романа тонко и многогранно показал это мистическое слияние прошлого и настоящего. Становление как христианина, древнерусского воина IV века от Рождества Христова Алексы и современного поэта, журналиста Александра в 80-х годах прошлого столетия – воцерковление одной личности. Да и все герои романа, живущие в современной Александре Москве, живут одновременно и в далеком прошлом... Их падения и подвиги, казалось бы, различны по своей сути... Но это – только на первый взгляд. Время в романе легко смещается и в ту, и в другую сторону. Потому что духовные события видимым образом совершаются в Вечности, где нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

Перед тобой, уважаемый читатель, не просто мистический, религиозно-философский роман. Зная жизнь и судьбу автора, можно предполагать, что это еще и роман-исповедь. Внутреннему взору вдруг открывается не только далекий предок, но и собственная душа современного человека, преисполненная мрака, но жаждущая света. Герой романа безжалостно срывает повязки лжи с собственных духовных ран, чтобы найти средства к их исцелению.

Пусть никого не смущает небольшой объем повествования. Открою секрет: автор уже написал продолжение романа в нескольких более объемных книгах. Они посвящены эпохам возмужания и воцерковления нашего народа в прошлом и современности в связи с историческими периодами Куликовской битвы и объединения Русского Царства в грозные годы правления Государя Иоанна Васильевича IV Грозного, Царя Павла Первого Петровича и Николая Второго Александровича. Сейчас Александр Козин работает над следующей книгой... Помо-

литесь же, братия и сестры, чтобы Господь дал автору силы на завершение эпопеи, первую книгу которой вы держите в руках.

Кому-то, может быть, роман покажется сложным для восприятия... Ну, что ж, все новое, и, думается, настоящее – ради Христа – всегда с трудом входило в мир.

Да поможет тебе Господь, уважаемый читатель!

Поэт Игорь Гревцев

От автора

Еже писах – писах, – сказано в Священном Писании. Поэтому все, что мог сказать, я сказал на страницах книги. А теперь могу только принести самую сердечную благодарность моей жене Елене Васильевне Свиридовой. Работая в очень серьезной государственной структуре, она тем не менее создала для меня все условия, чтобы я доработал эту книгу и написал другие. И естественно, все права на их издание и права собственности на мои рукописи после моей смерти могут быть только у нее.

Безмерно благодарен за моральную поддержку, участие и посильную помощь моим друзьям Константину Федосееву, поэту Игорю Гревцеву, композитору и исполнителю авторской песни Василию Щеглову и писательнице Анне Печерской, а также учащейся 11-го класса, автору моего фотопортрета Анне Манякиной, корректору Галине Горбачевой и инженеру Андрею Маткову. Храни вас Господи, дорогие мои!

Александр Козин

...Я сидел на срубленном дереве недалеко от костра и горевал – когда ж вновь увижу родную Рось? Хоть и платит местный князь, или, как здесь говорят, «конунг», Унгерих щедро, и боги здешние похожи на наших, и земля, казалось бы, такая же, как и дома, но тоска по родным местам с каждой новой луной – все сильнее...

Мои соратники, дожевав, свежей оленины, запив крепким медом, затянули песню о ратных подвигах волкодлаков. Молодой волхв Веденя начал кружить и кувыркаться, выкрикивая заклинания, дающие нашим ратникам смелость, силу, ловкость, дерзость волков. Да кто ж из славянских ратников не мечтает стать таким же, как эти воины-оборотни из свиты наших богов Ярилы и Велеса. Да я и сам в юности пытался, воткнув нож в пень, перекувырнуться через него... Даже заговор выучил... Вспомнилось и то, как в детстве украл из логова волчонка, приручил его... Даже разговаривал с ним... Славным помощником на охоте был Серый Клок... Да жаль, погиб, защищая женщин и детей от напавших степняков... Но погиб-то, как герой! И, наверное, сейчас в нави праотцам служит...

– Эй, Алекса! Глянь-ка, скачет кто-то... – перебил мои думки Горемысл, поднимаясь от костра и поправляя на поясе свой тяжелый меч.

– Да это ж Ольжка! – узнав, заулыбался он.

Ольг – самый юный из дружинников. Его слегка волнистые, цвета спелой пшеницы волосы до плеч, большие голубые глаза и в то же время твердые скулы и подбородок сводят с ума многих служанок жены конунга, или, как еще по-новому говорят, короля. А за то, что он быстро выучил язык готфов, Унгерих потребовал, чтобы Ольг стал связующим звеном между ним и нами, покуда мы находимся вне крепости. Поэтому держал его постоянно при себе.

Ольг, приблизившись к костру, спрыгнул на скаку с коня, бросив узду отроку, отчеканил приветственный жест и улыбнулся.

– Конунг приказал, не мешкая, двинуться к Черному броду. Охота назревает, – сказал он, словно речь шла о нашей очередной награде.

– Мы ж только из похода, – вскипел Горемысл. – Сколько дикарей к праотцам отправили! Я положил ему ладонь на грудь:

– погоди. Мы обязаны. Мы здесь для ратных дел. И нам за это неплохо платят...

– Мы прибыли сюда воевать, охранять, а не загонять оленей, вепрей, зубров да медведей! – не унимался Горемысл. – Дать бы пинка Перуну за то, что позволил сделать из нас загонщиков...

– Ты что, меда опился?! – теперь вскипел я. – Про кого говоришь?!

– Да ладно... Будто не помнишь, как старый волхв бил палкой Дажь-бога за неурожай, когда мы были еще детьми...

Ольг присел у костра, проглотил большой кусок оленины и запил большим глотком меда. Он, казалось, как и все остальные дружинники, не обращал внимания на разговор старших. Горемысл отвернулся, но не переставал громко ворчать:

– Нанял бы себе в загонщики христиан. Они все покорные, совестливые – косточки, а не то, что мяса не украдут... А я без задней ноги медведя или оленя не уйду...

Все наши дружно засмеялись. А Горемысл продолжал:

– А уж если нас, воинов, – в загонщики, так пусть христиан в охрану и дружину нанимает...

– А вот королева-вдова на прошлой охоте у своего костра рассказывала, – вдруг поднял от братины голову Ольг, – что христиане всегда – самые лучшие воины, как, впрочем, и во всяком деле. И поведала историю какого-то Георгия, который был у ромеев воеводой и ни одного сражения не проиграл, потому что ему помогал Бог христиан и Его Мать...

– А за какой нуждой это ты у женского костра крутился, что и целую былину подслушал? – спросил кто-то из дружинников, и все снова захохотали.

– Меня в охрану поставили, – покраснев, ответил Ольг.

– Уж не юная ли служанка Уирко поставила тебя поближе к себе? – продолжали смеяться дружинники.

– Ну и стал ли этот христианин-воевода римским конунгом, если выигрывал все сражения? – вдруг спросил Горемысл. – Ведь у них властителями становятся самые сильные воеводы после того, как убьют своего предшественника...

– Нет. Его жестоко пытали, требовали, чтобы отрекся от своего Бога, а когда он отказался – казнили. По-моему, голову отрубили...

– Ох, как наш маленький Ольжка запечалился за вождя наших врагов, которого свои же и убили! А может быть, ты уже и сам готов предать наших богов и принять вражьи? – произнес Горемысл, надвигаясь на Ольга. Тот вскочил. Было смешно смотреть, как юный дружинник – вчерашний отрок – стоит, натянувшись, словно тетива лука, перед возвышающимся над ним на полторы головы Горемыслом... Волхв Веденя, прислушивавшийся до этого к разговору, вдруг подошел и тоже надвинулся на Ольга:

– Что это ты, молокосос, за беседы здесь разводишь, про врагов нашей веры праотцовой?! Что это ты ратников смущаешь?

– Можно подумать, ты не смущаешь! – вскипел Ольг. – Мало того, что получаешь, как все ратники, так еще и на готфское капище побираться ходишь, с готфскими волхвами обряды чинишь да от жертвенных приношений себе в кубышку откладываешь! Пузо бы наеденное подтянул!..

– По коням! – громко крикнул я. – Горемысл! Ты идешь в двадцати шагах в хвосте. Мало ли что... Зверь, какой... Или еще кто...

Горемысл, по-прежнему тихо ворча, тяжело вскинулся на своего столь же огромного коня. Дружина тронулась в путь. Я приотстал, дождался Горемысла и, задавая тон, тихо сказал:

– Ну что ты, брат, накинулся на него? Он хоть и стал дружинником, но отрок-отроком...

– Гляди, как бы не опутали его местные... – пробурчал старый друг детства, вздохнул и еще тише добавил, – мельчают россы...

Я резко сжал колени, и конь рванулся вперед, вынося меня в голову дружины.

– Сашка! Ты чего? Перепил что ли?

– Не спи, замерзнешь! – услышал я. Покрутил головой. Вот, приснится же! Или я не спал?!

Рядом по-прежнему на широком кресле сидел Вадик Шляховский со своей любимой Соней на коленях и со стаканом дешевого злого портвейна в руках. Напротив, на диване развалился Эдик. А на валике возвышалась Галя Серегина. Все смотрели на меня и смеялись.

– Не выспался я сегодня, – пробовал оправдываться я.

– Говорили тебе, бросай свою работу инженера, иди к нам в дворники. Ты же – поэт! – как всегда, резким трагичным голосом продекларировала Галя.

– Действительно, на дворе последняя четверть двадцатого века, свобода духа, слова, а ты в патриота играешь, – возвел свои, с вековой грустью, глаза Эдик.

– Надо подумать, – ответил я, все еще не отойдя от своего то ли сна, то ли забытья.

– Не думать, а решаться надо. Будешь, как мы, – поддержал всех Шляховский.

– Ну, допустим, не как все, – томно, накинув на темные оливковые, огромные глаза тень ресниц, почти прошептала Соня. Она была переводчицей в каком-то посольстве. Но вот ведь настоящая женская любовь и преданность: не погнушалась дворника Шляховского. Впрочем, и тот имел высшее образование. А Галя вообще училась в Литературном институте.

– Но... давайте послушаем Шляховского, – как бы встрепелась Соня. Она почему-то всегда называла Вадима по фамилии. – Я сегодня ночевала у родителей, а он, оказывается, написал новые стихи. Прочитай, милый!

Вадим тряхнул удлиненными, светлыми волосами, поднял дорогой вместительный стакан с изображенным на нем китайским драконом – подарок Сони – и заговорил:

– Я, слава Богу, не холерик,
Не пью весь день, не ем с ножа,
Под чай смотрю на кухне телек,
А утром, весь от сквозняка дрожа,
Без всяких криков и истерик
С шестого брошусь этажа...

– У-у-у!!! – взбросила вверх обе руки с растопыренными пальцами Галя. Ее по-детски в двадцать два года угловатая вытянутая фигура, в чем многие находили свою привлекательность, взлохмаченные волосы устремились ввысь за руками и пальцами. – Шлях! Все наши литературные акулы тебе в подметки не годятся! Тебе преподавать надо в литинституте! Я тебе завидую, Шлях! Белой завистью, конечно.

– Знаете что... – сказала Соня. Легкий румянец покрыл ее свежие, чуть примакияженные щеки. Изящная, до змеиной гибкости фигура скользнула с колен Шляховского. Соня выпрямилась, и по плечам заструились гладкие, шелковистые, блестящие от чистоты волосы, расчесанные на прямой пробор, тонкие ноздри прямого с горбинкой носика вздрогнули, губы, которые раньше называли бы «бантиком», слегка приоткрыли ровный ряд мелких зубов... И только оливковые глаза под змейками тонких черных бровей оставались в тени длинных ресниц, – Галя права. Не в Центральном Доме Литераторов, а в таких малогабаритных квартирках пяти- и девятиэтажек, в лимитных дворничьих и коморках операторов газовых котельных, на заброшенных дачах живет настоящая БОГЕМА. Я, конечно, не знаток русского поэтического языка, как вы знаете...

Все несогласно вскинули брови, плечи, локти. Но Соня продолжала. – Тут как-то пришла мне в голову мысль о слове «богема». Мне кажется, я поняла смысл этого слова. Богема – это собрание богов, творящих культуру того народа, среди которого они живут. А ведь если вы, мои друзья-поэты, настоящие поэты, будущее поэзии, которая во многом определяет культуру, значит вы – боги! Так давайте выпьем за нас с вами, боги, за то, чтобы вы творили культуру народа этой страны.

И она подняла китайский бокал с изображенной на нем змеей, обвившейся вокруг виноградной лозы. Шляховский смотрел на нее снизу вверх влажными глазами. Потом встал, поцеловал ее в щеку и сказал:

– Сонюшка, ничего более поэтичного я еще никогда не слышал. Спасибо тебе за это стихотворение!

И, чокнувшись со всеми, выпил до дна. Молчание продлилось минуты две.

– Саш, а у тебя написалось что-нибудь? – спросила Соня.

– Да, – ответил я.

– Так что ж ты молчишь, читай скорее! – воскликнул Шляховский.

И я прочитал последнее стихотворение:

– В летних туфлях... Да и стоит ли думать о том,
Что предстоит позабавиться
блеском искусственных шуб...
Жалкий врунишка, уродливый карточный шут,
Где твой колпак полосатый
с бездарным крысиным хвостом?
Джокер? Ну что же – у кленов крестовая масть.
Как бы так сделать, чтоб нижнего ниже не пасть?
Как бы так сделать, чтоб в жизни, собой оставаясь,
Драную куртку со смехом поставить на кон,
Даже прослав среди прочих шутом, дураком,
Но не узнать, что такое бездарность и зависть?!
Как не пойти на уступки кривляке-судьбе,
Не изменить надоевшей любовнице-сказке,
Молча подать поутру ей чулки и подвязки
И улететь в пустоту меж домов в одинокой ходьбе?!
Не углядеть, но в голодной больной худобе,
Там, где ногами толпы перемешаны краски,
Облик поэзии вдруг ощутить без подсказки...

Все молчали. Потом Соня всплеснула руками:

– Сашенька! Ты превзошел себя! Шляховский, можно я его поцелую? В щеку?

– Если б я был женщиной, я бы поцеловал его в губы! – засмеялся Вадим. – Но тебе можно – в щеку. А тебе, Саша, действительно надо бросать свою инженерную работу... Нельзя для поэзии оставлять свободное от работы время. Поэзия должна стать работой.

– Одно смущает меня в этом стихотворении, – поделился я. – Ударение в слове «туфлях» поставилось на втором слоге, а должно быть – на первом!

Соня вся даже вскинулась:

– Санечка! Да как же ты не понимаешь?! Ведь ты этим искажением ударения как бы бросаешь вызов всем реакционерам от филологии: ты та-ак ви-и-дишь! Блок тоже слово «желты» писал через «о». А Гоголь вообще в грамматике профан был... Может быть, поэтому и головкой приболел, ударившись в церковный фанатизм... Ха-ха! А кто-то еще из великих – не

помню, кто, – писал, что, если он считает, что перед словом «что» не надо ставить запятую, он никогда не поставит! И вообще, я полагаю, что поэзия – это предтеча всех новшеств в человеческой жизни, в ее улучшении, упрощении, уничтожении всех тухлых стереотипов, штампов, дурацких, старомодных правил, наконец, всего русского языка! Вот американцы упростили так называемый классический английский! И как это хорошо, просто для общения и звучно получилось...

Соня была явно «в ударе». После того как мы осушили наши стаканы за меня, она наполнила их сама снова и продолжала:

– Я думаю, что поэзия есть в разных жанрах искусства. Иначе бы оно не было искусством, а просто, хм, – декоративно-прикладным, с позволения сказать, творчеством, лубком, если хотите, чем-то второстепенным после основной работы... Среди нас есть еще один поэт. Поэт в фотографии. И все мы знаем, что это – Эдик. Он, как всегда, пришел с кофром, который, я уверена, скрывает его новые произведения. Давайте выпьем за поэзию Эдика, после чего он откроет свой волшебный кофр и порадует нас своими находками.

– Сонечка, – встрепелась Галя, – а не слишком ли мы часто пьем? Если так дело пойдет дальше, мы скоро выпьем весь запас, и нам придется расходиться. А значит, я не смогу прочитать свои новые стихи...

– Галочка, – перебила ее Соня, на мгновение, подняв веки и сверкнув на Галю своими очаровательными глазами-маслинами. – Я же хозяйка! И должна делать так, чтобы гостям было комфортно и ни на секунду не скучно. И будь спокойна, я тебя отсюда не выпущу, пока мы не услышим твоих стихов.

– Ну, а сейчас, – она подняла бокал, – за Эдика.

Эдик слегка стушевался. Глаза его еще больше погрузнели. Из кофра был изъят увесистый черный конверт. Мы сдвинулись поближе, чтобы смотреть всем вместе, а не передавать друг другу, доставая по одной. Эдик объявлял названия своих поэтических фотографий.

– Это – «На горах Вавилонских».

Мы увидели две обнаженные пышные женские груди, сдвинутые друг к дружке ладонями их лежащей хозяйки, ни тело, ни лицо которой, впрочем, в кадр не попали.

На другом снимке совсем юная обнаженная девушка сидела, откинув далеко назад голову, плечи и руки, на которые она опиралась. Сидела она по-турецки, только пятки были раздвинуты больше, чем на ширину плеч.

– «Эсфирь», – назвал Эдик.

– А почему Эсфирь? И что это такое? – спросила Галя, то приближая свое лицо к фотографии, то отдаляя его от нее.

– Это из мифологии. Я потом тебе дам почитать про эту легендарную женщину, – бросила Соня. Просматривая фотографии, она цокала языком, шептала «гениально», но, не забывая при этом периодически взгляды на Вадика, исследуя его реакцию.

Соня постаралась побыстрее протасовать снимки. Эдик, видимо, что-то понял и достал второй конверт.

– Этот цикл называется «Россия», – пояснил он. Оказалось, что все снимки сделаны на какой-то подмосковной свалке. Я, как и все, разглядывал старушку в черном, наклонившуюся, чтобы достать что-то из мусора, а перед ней намного ближе к объективу выклевали грязь три вороны. В результате, старушка выглядела едва ли крупнее их.

– «Земля-матушка», – пояснил Эдик.

– Вот это поэзия! Какие образы! Просто находка! – воодушевилась Соня. – А? Каков ракурс!

Галя хотела что-то спросить, но, взглянув на Соню, промолчала. На одном из снимков чумазый мальчик лет десяти, в одних трусах прижимал к груди обглоданный, заплесневелый

батон хлеба. Он был окружен пятью собаками, жадно глядящими то ли на хлеб, то ли на лицо мальчика.

– «Пятью хлебами», – продекламировал Эдик.

Соня в восторге захлопала в ладоши. Вадик смотрел на Соню. Галя переводила взгляд со снимка на каждого из нас. Но спросить не решалась. Потом вдруг произнесла:

– Эдик, ты поэтично гениален хотя бы потому, что попади любой из этих снимков к какому-нибудь кэгебэшнику, лет пять тебе было бы гарантировано за искажение социалистической действительности. А поэты-то всегда страдали, сидели, гибли... Особенно гениальные поэты. Вот я и думаю, когда же наш черед?

– Это еще не все! – вошел в азарт Эдик. – Вот, глядите: «Христианин».

Со снимка смотрел небритый, морщинистый старик. Он был сфотографирован сверху, отчего голова его была огромной, а по мере приближения взгляда к ногам он непропорционально уменьшался. Грязная рубаша была без пуговиц, и на обнаженной груди ярко сверкал большой нательный крест... Старик стоял среди мусора и смотрел вверх, но не в объектив...

– Мне пришлось снимать его скрытой камерой с большим увеличением с крыши конторы свалки, – горячо рассказывал Эдик. – А знаете, кто он? Бывший секретарь партбюро какого-то большого завода. Что-то там у него случилось, съехала крыша, стал молиться, ходить в церковь, его отовсюду выгнали, на работу не приняли никуда, жена от него ушла, дети взять к себе побоялись. Вот и живет теперь на свалке. Ночами, говорят, стоит посреди мусора на коленях, молится...

– Сейчас же не Сталин, – удивился Вадик, – что на работу не берут.

– Ха! У нас инженера из ЖЭКа выгнали, когда узнали, что он в церковь ходит, – вставила Галя.

– Ну и правильно, – пожала плечиками Соня. – Надо людям жизнь улучшать, унитазы, батареи менять вовремя, отопление, свет ремонтировать, там еще что-то, а не молиться.

– А вот у этого инженера самый образцовый участок был, между прочим. Он и ночами работал, если надо, и рабочие его любили, и жильцы одни благодарности писали. Но вот приехали из райкома и велели уволить! – горячилась Галя.

– Ну ладно, – повела бровью-змейкой Соня. И вдруг обратилась ко мне:

– Саш, а тебе как снимки?

– Что-то я устал сегодня после рабочего дня, – ответил я. – Голова побаливает. Давайте лучше выпьем.

– Вот я и говорю: в дворники тебе надо! – засмеялся Вадик, разливая портвейн. – Отсыпаться начнешь. Утром помахал метлой, поспал до вечера. А ночью либо стихи пишешь, либо друзьям их читаешь, как мы сегодня.

– Вот-вот, – Соня уселась на подлокотник кресла, – а то на своем инженерном месте еще в церковь пойти захочется. А тогда, если уволят, даже в дворники не возьмут.

Все засмеялись такой шутке. Потом Галя читала свои стихи, в которых сожалела о том, что ругается с соседями по дворницкой лимитной коммуналке и обещала больше не воровать у них лук. Хорошие стихи. Добрые.

Когда мы вышли от Шляховского, уже рассвело, но как-то несмело, потому что на Москву опустился туман.

– Ничего, распогодится. Зато теперь ни один милиционер не найдет в тумане таких ежиков, как мы, – скаламбурила Галя, беря нас с Эдиком под руки. – О, я с вами, как Натали с двумя Пушкиными.

Действительно, она была выше нас обоих.

– Ну, во-первых, я не Александр, а ты не Наталия, – ответил Эдик.

– А вот Александру-то нашему не помешала бы какая-нибудь Натали... в жены, – продолжала Галя, – есть у меня одна Наташа на примете...

Я поморщился:

– Жениться? Я уже пробовал. Хватит. Что я тебе плохого сделал?

– А знаете что? Поедем ко мне, поможете мне подмести участок, и рванем в Сокольники... – предложила Галя.

– После полного рабочего дня и бессонной ночи? – я даже остановился. – К тому же туман какой!

– Туман, ту-у-ман, седая пелена, а всего в двух шагах... – запел Эдик песню популярного барда.

– А в двух шагах... остановился наш троллейбус! Бегом! – теперь Галя была «в ударе».

В пустом троллейбусе она сказала:

– Окуджава написал песню «Последний троллейбус», а я напишу стихотворение «Первый троллейбус». Спорим? На следующей вечеринке прочитаю. Пока! – И выскочила на своей остановке. А туман не рассеивался...

Над Черным Бродом висел туман. Мы пришли вовремя. Лай собак еще не слышен. Но я не велел спешиваться. А за рекой начиналась чащоба, что славилась добычей. Стада зубров – весом две-три лошади каждый, вепри, любой из которых, способен клыками за один удар разрезать человека пополам, медведи, выворачивающие молодые дубы, как отрок – травинку, олени, на рогах каждого из которых можно раскинуть шатер... Но сейчас там туман. Зато на взгорке в сосняке, откуда должен появиться король со свитой, остались легкие клочья дымки.

Ага... Вот... Редкий случайный лай. И тот – приглушенный. Не велят псари. Теперь уже и топот конский слышен. Я построил дружину. Меж сосен показалось шестеро королевских воинов-телохранителей в тяжелых доспехах с луками наизготовку. Увидев нас, они приостановились. Узнали. Из-за их спины выехал главный, ближайший к конунгу князек Гердерих, тоже в доспехах, из-под которых видна была нарядная, синяя рубаха, какие носят готфы. Спину и плечи прикрывал плащ из волчьей шкуры. Подъехав ко мне и приветствуя, выкинул руку вперед ладонью вниз и заговорил. Ольг переводил:

– Господин повелел ехать полумесяцем следом за всеми и следить, чтобы никакой зверь не напал сзади или с флангов. Особо оберегать королеву, королевну и королеву-вдову. Они тоже изъявили любопытство посмотреть на эту необычную охоту. – При последних словах он криво усмехнулся.

Не нравился он мне. Да – сильный. Да – воин, каких еще поискать. Но взгляд его заставлял ждать чего угодно, только не добра, даже скорее – удара в спину... Должно быть, и он так думал о каждом из нас. Ведь еще несколько лет назад готфы и славяне были непримиримыми врагами. Только по воле богов мы не встретились в битве друг с другом. Но и в одном боевом строю не хотел бы я оказаться рядом с ним.

– А можно ли узнать, чем необычна эта охота? – спросил я. Ольг перевел.

– Вы все сами увидите. Это будет полезно каждому из вас, – опять криво усмехнулся Гердерих и поскакал к остальным телохранителям.

Конский топот приближался. На опушку выехал Унгерих, окруженный оруженосцами и телохранителями. Поверх золоченого наборного доспеха на нем была надета шкура крупного волка, увенчивающая шлем зубастой пастью с драгоценными камнями вместо глаз.

Обычно хмурый, теперь он громко смеялся, очевидно, предчувствуя веселую добычу. Что-то говорил Гердриху, жестикулируя рукой в жесткой кольчужной перчатке, унизированной драгоценными перстнями. Но взгляд его был холоден, словно взгляд волчьей головы на шеломе.

Наша дружина отчеканила жест приветствия и, сняв шеломы, застыла со склоненными головами. Король милостиво кивнул. Подтягивалась остальная часть свиты. Впереди нее скакала жена Унгериха Гаафа, их дочь Дуклида и молодая королева-вдова Алла, жена старшего брата нынешнего короля, которого, говорят, убили христиане. По виду она была не намного

старше племянницы. Удивительно: намечалась веселая охота, а глаза у всех трех женщин были заплаканы. Впрочем, это – их дела.

Подскакали слуги и служанки королевы. Лица многих тоже были почему-то грустны. Не в пример князьям, составляющим большую свиту короля.

Телохранители уже перескочили брод и остановились на другом берегу реки. Только Гердерих остался рядом с Унгерихом. Все что-то или кого-то ждали.

И вот на берег, где собралась вся свита, пешие воины выгнали десятка два готфов, попарно закованных в тяжелые деревянные колодки. Здесь были старики, взрослые сильные мужчины, отроки, женщины, некоторые из которых держали на руках младенцев. Их согнали в кучу. Унгерих подскакал к ним и, объезжая вокруг, громко обратился к колодникам:

– Вы или ваши сообщники убили моего любимого старшего брата, который был для меня, как отец, – переводил мне тихо Олг. – Он не успел оставить после себя наследника – вы пресекли его благородный род!

Каменный подбородок Унгериха дернулся.

– Вы оставили вот эту молодую женщину, – он показал на королеву-вдову, – без детей, без любимого мужчины, без семьи ради какого-то Распятого чужеземца. Вы предали наших богов, а значит, и наших предков! Вы пожираете человеческую плоть и пьете человеческую кровь. И этим вы хуже хищных зверей! И за это вы достойны только жестокой смерти. Но ради памяти моего доброго и милостивого брата я тоже желаю проявить милость. Я сейчас, здесь освобожу и даже награжу каждого, кто отречется от Распятого.

Люди в колодках молчали. Я не увидел слез в глазах даже у женщин. Все они смотрели вверх. Но не на Унгериха. Их губы что-то шептали. Но неужели конунг собирается казнить их прямо здесь и сейчас? А как же охота? Уж не на них ли он собирается охотиться, не об этой ли необычайности охоты говорил Гердерих?

Между тем Унгерих продолжал:

– Не хотите! Ну что ж. Тем не менее моя милость выше вашего безумного упрямства. Я уже сказал, что вы хуже диких зверей. Так пусть ваш Бог поможет вам в единоборстве с дикими зверями, которых гонят сейчас сюда мои люди. А я отпущу каждого, кто останется жив, победив волка, медведя, вепря или оленя, дам ему кусок добычи за то, что он помог мне поохотиться.

Круто развернув коня, он махнул рукой и подскакал к королеве. Но обратился громко к вдове брата:

– Я надеюсь, сестра, что вы останетесь довольны, когда увидите собственными глазами отмщение крови вашего мужа. А ты, дорогая, и ты, дочка, – обратился он к Гаафе и Дуклиде, – получите удовольствие от охоты.

В это время воины принялись снимать колодки с людей, одновременно связывая их за руки по двое короткими веревками. Закончив с этим, колодников погнали через Черный Брод в чащобу.

Вслед за ними побежали воины и псары с собаками.

– Это – христиане, – шепнул мне Олг.

– А тебе-то что?! Наше дело – охрана! – я почувствовал, как почему-то раздражаюсь на юного дружинника. – Унгерих прав: за такие преступления, которые он назвал, эти люди не достойны даже человеческой казни... От меня ни на шаг!

Подбоченясь, Унгерих затрубил в золоченый рог и ринулся на другой берег реки. Свита помчалась за ним. Но несколько человек из свиты остались на месте. Я понял, что они ждут, когда королева, королевна и королева-вдова последуют за своим господином. Когда же и те пересекли реку, я жестом показал дружине, как мы должны двигаться, и сжал колени так, что конь взвился на дыбы.

– Вот видишь, – крикнул я на ходу Горемыслу, – мы будем охранять, а не загонять. Возьми на себя правый фланг. А Волгус пусть возьмет левый.

И я бросил своего коня в реку.

Сначала женщины не очень-то торопились... За ними шагах в пяти ехали служанки и мелкие князьки с женами. А уж затем – мы. Шагах в десяти по обе стороны от меня между вековых деревьев мелькали ближние фигуры наших дружинников.

Вдруг я увидел, что королева Гаафа что-то шепнула королеве-вдове и все трое прищипорили коней. Стали слышны звуки рогов и трещоток. Значит, загонщики,двигающиеся навстречу нам, уже недалеко.

Неожиданно слева впереди раздался человеческий крик. Нет, это был не крик, а вой – на два голоса. Такой вой мне приходилось слышать только однажды. Я тогда привел дружину из очередного похода на северных лесных дикарей, совершавших набеги на земли Унгериха, и спешил по переходам замка, чтобы доложить о победе. Гердерих, встретив меня, сказал, что король сейчас занят: допрашивает римского лазутчика в подземелье. Однако, узнав о цели моего прихода, повел меня к Унгериху.

Вот тогда-то я и услышал вой человека, у которого вытягивают жилы... Умереть в бою – почетно для воина. Но даже от мысли оказаться на месте того несчастного у меня до сих пор холодеет спина. Впрочем, это их, готфские дела...

Услышав вой в лесной чащобе, королева Гаафа резко развернула коня на звук и прищипорила его. Ей последовали и другие.

Шагов через пятьдесят я увидел столпившихся воинов. Между ними лежал издыхающий огромный вепрь, весь утыканный копьями и рогатинами. А рядом с ним было кровавое месиво, из которого торчали белые кости. Приглядевшись, я понял, что это два истерзанных человеческих тела. А на клыках издыхающего зверя было нанизано окровавленное тельце младенца...

Если бы у меня на родине такое сделал человек, его приговорили бы к разъятию: привязали бы за ноги к двум коням и проскакали бы на них по разные стороны от изваяния Перуна. Но тут убийца – скотина...

– С первой добычей! – услышал я веселый голос незаметно подскакавшего Унгериха. – Жаль, что шкуру испортили, – дернул он подбородком, едва взглянув в сторону картины убийства.

– Ваше величество, прикажите похоронить, – сквозь слезы попросила королева-вдова.

– А разве зверей хоронят?! – усмехнулся Унгерих. – Нехорошая у вас жалость, сестра. Неарийская. Это же первое отмщение убийцам вашего мужа и моего любимого брата... Оставить так. Падаль – она и есть падаль. А добычу несите к Черному Броду. Да освежите поскорее.

Призывный звук рога заставил короля встрепенуться, привстать на стременах и пустить коня по направлению звука. Все поскакали за ним. Случилось так, что мы с Ольгом скакали в пяти шагах от рыдающих женщин. Свита отстала. Королева Гаафа что-то громко говорила другим.

– Переведи, – тихо бросил я Ольгу.

– Терпите, дорогие мои. Молитесь за упокоение душ несчастных. Их, наверное, сейчас встречают Сам Господь и Ангелы Его. А место запомните. Надо собрать святые мощи мучеников, – переводил также тихо Олг.

Я ничего не понял из сказанного. Неужели королеве-вдове жалко убийц своего мужа?! У нас за такое жена собственноручно может весь род убийцы вырезать...

На большой поляне, куда мы прискакали, было замешательство. Унгерих, Гердерих, князьки, воины, загонщики остальная свита сбились в кучу. Только собаки ожесточенно лаяли, сдерживаемые псарями. А шагах в пятидесяти, посреди поляны, возле большой кочки, поросшей бурым мхом, стоял старик. Он высоко поднял голову и смотрел в небо. Рядом преклонил

колени привязанный к нему отрок. Вдруг кочка зашевелилась. Я не поверил своим глазам. Она оказалась огромным медведем. Но почему он не разодрал колодников?! Уверен, этот вопрос мучил и всех остальных участников охоты.

– Он – мой! – закричал вдруг Унгерих, выхватывая тяжелую рогатину у оруженосца и спрыгивая с коня.

Медведь приподнялся и, как бы нехотя, стал переваливаться в сторону Унгериха. Воины подняли луки. Другие с рогатинами наперевес выдвинулись на несколько шагов в сторону поединка.

Унгерих крепче вбил тупой конец рогатины в землю, установив острие на уровне груди зверя, проверил, хорошо ли вынимается из ножен длинный, тонкий кинжал. Медведь шел на него уже на задних лапах. Один шаг оставался зверю до рогатины. Вдруг он взмахнул сразу двумя передними лапами, и отломанный кусок оружия с острием отлетел шагов на десять. Упавший Унгерих пробовал отползти на спине. Зверь приостановился, готовясь точнее навалиться на короля. А телохранители, воины, свита словно окаменели...

Вдруг тишина разорвалась знакомым боевым славянским кличем. В следующее мгновение между медведем и Унгерихом оказался конный Горемысл. Он оттолкнулся от коня и в прыжке свалил медведя на землю. Но зверь изловчился, перевернулся и подмял под себя Горемысла. Я видел в его руке сверкнувший засапожный нож, но Горемысл никак не мог дотянуться им до горла зверя. Воины кинулись было на помощь, но Унгерих, все еще лежащий на земле, крикнул: – Шкуру не портить!

Мои дружинники тоже кинулись на помощь, но они дальше всех находились от случившегося. Тут и Горемысл изловчился: по самую рукоятку вбил он свой нож в глаз зверю. Дикий рев, казалось, сокрушит вековые деревья. А Горемысл бил и бил, и бил ножом по глазам медведя...

Восемь крепких воинов с трудом подняли тушу зверя. Горемысл, весь окровавленный, тяжело встал с земли и, подхваченный дружинниками, добрел до ближайшего дуба, где и сел, прислонившись к стволу спиной. Дуклида и королева-вдова подскакали, спрыгнули с коней и стали осматривать его раны. Подъехавший Унгерих скривил губы:

– Что это вы, как лекарки, бросились к этому наемнику. Ладно был бы королевской крови...

– Ваше величество, отец, ведь он вам жизнь спас! – попробовала возразить Дуклида.

Унгерих скривил губы:

– Ваше высочество, дочь, и вы, ваше величество, сестра, извольте сесть на коней и не прекословить конунгу, или, как теперь говорят, королю! Его я, конечно, отблагодарю по-королевски...

Унгерих снова дернул подбородком:

– Им займутся мои лучшие лекари.

В это время к Горемыслу подсказал Волгус, вызванный мной с дальнего левого фланга. Он разбирался в лекарстве и занялся своим делом. Подъехал и волхв Веденя. Этот стал что-то пришепывать и кружить вокруг Горемысла. Я же призвал на помощь Перуна, вскинув над головой обеими руками мой меч...

– Носилки! – резко крикнул я. Но дружинники уже несли шест с плащом. Они переложили на него перевязанного Горемысла и приторочили между двух лошадей.

– В крепость! Только не трясите, – уже мягче сказал я.

Королева Гаафа в это время подсказала к старику с отроком и что-то сказала им.

– О чем это вы беседуете с этим колодником? – крикнул, подъезжая, Унгерих.

– Ваше величество, эти люди остались живы и доставили вам прекрасную добычу. Зная ваше милосердие и добродетель держать данное вами слово, прошу вас освободить их, – ответила королева.

– Он, сдаётся мне, колдун, если его медведь не задрал, – дернул подбородком Унгерих. Но, обернувшись, увидел, что сотни человек, находящиеся на поляне и вокруг нее, теперь ждут от него поступка. Тогда он громко и отчетливо сказал:

– Да, я милостив. И слово свое держу. Я дарую тебе, старик, и твоему сокоłodнику жизнь. Но требую, чтобы вы покинули пределы моего королевства. Если же кто из вас ослушается и появится здесь, я предам его самой жестокой казни. Надо ведь еще разобраться, не колдун ли ты, старик, не ты ли направил медведя на меня и сообщил ему эдакую силу, что сломалась моя лучшая и самая крепкая рогатина. Развяжите их, – бросил он воинам и поскакал в лес.

Старик, уже освобожденный от уз, продолжал стоять и смотреть в небо. Отрок лежал на земле и плакал. Я подскакал почти вплотную к старику. Взглянул ему в лицо. Я возвышался над ним, сидя на коне. Поэтому голова его казалась слишком большой, а по мере приближения взгляда к ногам, он непропорционально уменьшался. Грязная рубаха его была порвана до пояса, и на обнаженной груди ярко сверкал большой крест. Меня поразили его глаза. Я загоразживал от него небо. Но именно его я увидел в глазах старика – такими они были по-детски ясными. Он глядел вверх, в мою сторону. Но глядел не на меня. Губы его улыбались и что-то шептали... Я сжал колени, и конь понёсся в лес, вслед королеве, королевне и королеве-вдове.

– Ваш билет!.. Молодой человек, у вас есть билет?

– А..? Что..?

– Би-лет на про-езд, – уже более отчетливо, нараспев услышал я в такт движений, трясуших мое плечо.

Я оторвал голову от рук, сложенных на поручне задней площадки двухвагонного троллейбуса, и увидел пожилую женщину. Именно она трясла меня за плечо. Вдруг скривила губы:

– И-и-и, милый, да ты хо-р-р-ош! Ну что, милицию вызывать будем, если ты уж, как лошадь, спишь стоя? Или все-таки билет предъявишь?

– Билеты у Эдика, – все никак не мог прийти в себя я. – А я не «хорош». Мы просто всю ночь просидели у друзей. Выпили, конечно, немного. А это я от усталости. Вчера тяжелый рабочий день был.

– Понятно. Только нет здесь твоего Эдика. Откуда едешь-то?

– С Ярославского шоссе, 66.

– Милый, да ты даже конечную остановку проехал и теперь опять на Ярославку возвращаешься. Эдик твой, поди, давно сошел. Сам-то где живешь?

– На Щелковской. Мне бы на метро.

– Не сильно пьяный, – размышляла вслух женщина-контролер. – Но в метро тебя все равно в милицию забрать могут. У них план. Сейчас выйдешь на Безбожном переулке, переседаешь на любой трамвай, доедешь до Каланчовки, а там на сорок первый троллейбус переседешь. И – до самого дома. Только не забудь билеты покупать. Деньги-то есть?

– Есть, спасибо.

– Ну, вот и твоя остановка. Безбожный переулок. Храни тебя Бог, – улыбнулась она. И я увидел удивительно знакомый взгляд, в котором светилось чистое ясное небо. Где же я видел такой взгляд?..

«Что же со мной происходит? – вертелось у меня в голове. – Скорей бы домой!» Трамвай домчал меня довольно быстро. А троллейбус еле-еле тащился. И всю дорогу меня мучило одно: «Скорей бы домой!» Никаких снов, никаких видений я не испытывал в дороге. Но то, что виделось в последние сутки, тревожило. А может быть, я схожу с ума? Может быть...

Ну, наконец-то за окном троллейбуса показался знакомый «Океан», за ним – книжный магазин, контролер на конечной остановке... Естественно, я предъявил билет. И через три минуты был дома.

Прохладный душ взбодрил. Я залпом из горлышка выпил бутылку пива, припасенную загодя отцом в холодильнике. Благо, родители и сестра – на даче: ни тебе вопросов, ни нравов-учений. И – выходной день! Я прошел в свою комнату, распахнул дверь на балкон и постель, застланную на широком топчане, который сколотил своими руками два года назад. Ух! Как я сейчас посплю!

Но сон не шел. Вспомнилась ночь, стихи, фотоснимки... А Эдик-то хорош, – даже не разбудил, бросил в троллейбусе. Если б не доброта этой женщины-контролера. Ее взгляд! Меня словно подбросило на топчане. Так вот где я видел такой взгляд. Так смотрел старик с крестом на Эдикиной фотографии. И женщина та сказала: «Храни тебя Бог»... Значит, дело не в свалке, не в месте, на котором находится человек. Так неужели в вере в Бога? Но ведь ученые говорят, что Его нет. Космонавты летают и почему-то не видят Его. И в школе, и в военном училище нас этому учили... Все понятно, старики и старухи верят, потому что боятся умереть. Но если бы они боялись, навряд ли у них были бы такие глаза, такой взгляд. Он, скорее, – бесстрашный, уверенный в победоносности доброты, в вечности... Ведь даже у отца и матери моих нет такого взгляда. А ведь они ничего плохого не сделали. Отец всю жизнь служил не за страх, а за совесть в армии, дослужился до полковника, кандидата наук, доцента, автора учебников, преподавателя военной академии. А когда провожал меня после училища в часть, на мои – тогда – демократические взгляды, на обвинения, что в армии много подонков, сказал: «Я хочу, чтобы ты понял одно: ты едешь служить не коммунистической партии, не генеральному ее секретарю, не своим командирам и начальникам, ты едешь служить Отечеству, России, ее народу, как это делал я и мой отец». Но почему же тогда у моего отца нет такого взгляда? Да и как мы служили? Я и мои товарищи? Были, конечно, и подхалимы, и подонки, и стукачи. Но были и те, с которыми не страшно, как говорят, пойти в разведку. Как торжественно пробегали мурашки по телу, когда командир дивизии произносил: «На боевое дежурство по защите нашей Родины... приказываю заступить». И мы шли, чеканя шаг. Почему же у нас не было такого взгляда. Чего не хватает для этого взгляда. Неужели Эдик прав, что мы защищали свалку? Нет! Сам-то он не служил никогда, как и Шляховский. А почему? Я вспомнил партийное собрание, на котором меня исключали из КПСС по доносу одного стукача, и мою слабость в признании обвинений – лишь бы поскорее все закончилось... И большинство офицеров проголосовали против предложения исключить меня из партии.

Полковник из политотдела угрожал майору Низаеву, что его не пустят поступать на высшие академические курсы, кому-то тем, что не предоставят новую квартиру, а они все равно проголосовали против исключения. На партийной комиссии армии меня все равно исключили, нарушив устав. Так не эти ли, подобные полковнику из политотдела и членам комиссии из штаба армии, и делали все, чтобы кто-то вдруг увидел в России свалку, показал другим, убедив их в этом. Делали сознательно или бессознательно – неважно... Ну все, хватит! Надо отдохнуть. Вечером – на дачу, помочь отцу. А послезавтра – на работу. И теперь, словно я выполнил или понял что-то очень важное, бессонница отпустила меня, и я провалился в сон. Странное дело: спал я безо всяких сновидений. Только мысли в голове остались теми же, что и до сна...

Эдик бросил меня в троллейбусе спящего. «Земля-кормилица» у него старуха величиной с ворону, Россия – свалка... Наверное, эти мысли возникают от обиды на Эдика, потому что он бросил меня. Нет, нет, нет.

«Сейчас выкурю сигарету на балконе и поеду на дачу! – решил я. Но в это время зазвонил телефон.

– Саша, это я, Борис, начальник четвертого участка, – услышал я в трубке, – за тобой вышла машина. У нас на мотеле человек погиб. Хмурый приказал вызвать тебя от производственного отдела. До остальных он не дозвонился... Ты чего молчишь?

«Ну вот, съездил на дачу... Мать опять ворчать будет...» – подумал я. И ответил:

– Когда вышла машина? Минут двадцать? Значит вот-вот будет... А что случилось?

Оказалось, что сгорел большой трансформатор в готовом к сдаче мотеле «Лучезарный». Там даже поляков уже поселили... Москва готовилась к Олимпиаде...

А Хмурый – Ульян Альбертович – это начальник специализированного строительно-монтажного управления № 33, где я работаю страшим инженером производственного отдела. С моей анкетой «исключенца из КПСС» трудно устроиться даже на рабочую, не то что на инженерную должность. «Наверное, как с крестом на груди», – возникла мысль. «Мать через знакомых устроила!» – перебила ее другая. Хмурый тогда сказал, что этот факт моей биографии ему неважен – главное, чтобы специалист был хороший.

Мне надо ехать... Вместо плавок и набора удочек я бросил в сумку бутерброды, карманный тестер, свежую рубашку, носки. В это время под окнами «забибикала» машина. Я выглянул в окно: точно, Миша, водитель, вылез из «хмуровской» «Волги» и пробегал глазами по окнам дома в поисках меня. Я приоткрыл фрамугу и свистнул. Миша, узнав меня, помахал рукой. Только всегда улыбчивое его лицо сейчас было похоже на вечно озабоченную физиономию Хмурого. Я уже готов был выскочить за дверь, как снова раздался телефонный звонок.

– Привет! Это я, Жень, – услышал я голос недавнего знакомого поэта. – Мне поговорить бы надо с тобой. Встретиться.

– Старик, меня вызвали на работу, – ответил я.

– Сегодня же выходной!

– Это у вас, работников пера, – хотелось пропеть «и топора», но я сдержался, все-таки человек погиб, – выходной. А у меня авария на объекте. Жень, я серьезно. Потом перезвоню тебе. Лады?

– Время терпит. Только учти, это в твоих интересах! Жду звонка! – и я услышал короткие гудки.

Я заскочил в ванну – проверить воду, в свою комнату – закрыть балкон, провел ладонью по вентилям на газовой плите – выключены ли, бросил на плечо спортивную сумку и захлопнул за собой входную дверь.... Суббота... Летний вечер... Москва – полупустая от машин: кто – на даче, кто – на юге. Мы домчали быстро. У подъезда свежоштукатуренного многоэтажного мотеля с зеркальными окнами уже стояли «Скорая», милицейский «газик», личная машина Хмурого и пикап главного инженера СМУ-33 Генриха Васильевича, благодаря которому через знакомых матери я и был принят сюда на работу.

Я спускался в подвал, в трансформаторную, через груды щебня, известки, щепки, обрезки проводов, изоляции и еще какой-то строительный мусор. Почему-то вспомнилась свалка со снимков Эдика. Только здесь не было живого неба, а лишь дежурное освещение: понятно – трансформатор «полетел». Но почему не включили резервный?.. Вот и трансформаторная. Хмурый, дергая каменным подбородком, что-то доказывал капитану милиции и еще одному – в этих званиях я не разбираюсь – в прокурорской форме. Пахло сожженной изоляцией. Генрих Васильевич стоял и смотрел на распростертое тело, возле которого сидела на низенькой скамеечке женщина в белом халате и что-то записывала в тетрадь.

Я пригляделся. На полу лежал Силыч, старый, опытный монтажник-трансформаторщик. Как же его угораздило?! Не могло его убить по его халатности!

– А! Вот и наш старший инженер из производственного отдела! – увидел меня Хмурый. Я представился милиционеру и следователю прокуратуры.

– Вы хорошо знали покойного? – спросил следователь.

– Ну... Как хорошо? Только по работе, как грамотного, опытного монтажника, спокойного, рассудительного, доброго старого человека.

– Он выпивал на работе?

– Я ни разу не видел.

– Бывало, – вмешался Хмурый. – Они все работяги.

Следователь вскинул на меня взгляд:

– А говорите, что вы ни разу не видели.

– Насколько я знаю, – заговорил капитан милиции, – именно производственный отдел проверяет электросхемы перед монтажом. Кто из производственного отдела непосредственно делал это.

– У нас – тройной контроль, – вмешался Герман Васильевич, – ошибки в чертежах и схемах быть не может. Я сам проверял последним.

– Конечное заключение сделает экспертиза, – повернул к нему лицо следователь. И снова спросил меня, – вы лично проверяли?

– Да, на первом этапе.

– А кто конкретно проверял процесс прокладки кабелей, монтаж трансформаторов? – спросил капитан милиции.

– Это работа начальника участка. А инженера производственного отдела вызывает тоже он, если возникает неисправность, недоразумение.

Я не понимал, куда клонит капитан милиции – эксперт... Он же не может не знать этих подробностей.

– До заключения эксперта я прошу прекратить всякие работы в здании, – повернулся следователь к Хмурому.

– Да вы меня без ножа режете! У нас сдача объекта на носу. Уже иностранцы заселены в мотель! Это же – международный скандал, – дернул подбородком Хмурый.

Следователь посмотрел на капитана. Тот вздохнул:

– Вы-то сейчас отдыхать поедете, а мы, что ж в выходной пахать должны?

– Александр Леонидович, – обратился ко мне Хмурый, – осмотрите трансформатор.

И когда я отошел, что-то тихо заговорил следователю и капитану милиции. Я же смотрел не на трансформатор, а на Силыча. Лицо его было удивительно спокойно. Уголки губ даже слегка приподняты, словно он хотел улыбнуться. Но может ли улыбаться человек, когда его убивает током, обугливая при этом пальцы?! Рубашка была расстегнута почти до пояса – видимо, делали искусственное дыхание и массаж сердца. Вокруг шеи натянулся шелковый шнурок, спускавшийся через плечо на резиновый коврик. И заканчивался он маленьким блестящим крестиком.

– Александр! – позвал меня Герман Васильевич. Теперь он тоже стоял почти рядом со следователем и милиционером. Сказав им что-то, он повернулся ко мне, – пожалуйста, пойді, возьми в моем пикапе схемы в желтой папке и принеси мне сюда.

Я мысленно попрощался с Силычем – санитары уже собирались класть его на носилки – и пошел к выходу. И тут вспомнил, что у Силыча тоже был уже знакомый мне взгляд ясного живого неба... Возвращаясь, я спускался с папкой под мышкой по замусоренной лестнице. До трансформаторной остался один поворот, когда за углом послышался резкий голос Хмурого.

– Ну, зачем ты, Гера, сказал, что последним смотрел схемы? Нам объект сдавать, а тут эта экспертиза. А ведь мы могли бы столько проблем снять, отвлечь их, сказав, что твой протеже последним смотрел и контролировал монтаж. У него все равно рыльце в пушку: из партии выгнали. Есть за что ухватиться. Пока бы выясняли, что это вообще не диверсия, мы бы спокойно доделали свои дела. А может, так оно и есть – диверсия? Твой Александр ведь не раз приезжал на объект?

– Что ты несешь, Ульян? При чем здесь этот парень? Да и не хочу я врать. И не могу: мой друг хорошо знаком с его родителями. Как я буду потом ему в глаза смотреть? Парень – то честный! И специалист неплохой. Что-то я раньше за тобой такого не замечал... А парня из партии шуганули, оклеветав, и заодно за то, что сам отказался быть стукачом. И, кстати, первичная партийная организация его не исключила... Это мне друг рассказал. А он врать не будет. Да и сам посуди: стал бы он какого-нибудь подонка мне, лучшему старому другу, рекомендовать?! Он досконально все выяснил сначала. Сам знаешь, где он работает.

– Что тогда делать? «Горят» и премия, и тринадцатая. И не только нам, а всем рабочим! Слушай, а позвони этому своему другу. Я ведь знаю, где он работает. Пусть надавит!

Я стоял ни жив, ни мертв. Вот так Хмурый!

– Пойдем, еще раз попробуем уломать следователя, чтобы хотя бы трансформатор демонтировать разрешил. Да новый устанавливать. Это все равно не менее двух суток займет, и то, если непрерывно работать целой бригаде. А старый привезем им. Пусть проводят свою экспертизу! Мы же сейчас предложим осмотреть кабели, их соответствие схемам, – сказал Герман Васильевич.

– Вот и хорошо, а от производственного отдела здесь оставь твоего протеже.

Я тихо отошел назад на десять шагов и специально затопал обратно к повороту, за которым беседовали мои начальники. Но они были уже около трансформаторной и почти шептались со следователем и капитаном милиции. Я подал папку главному инженеру и отошел. Тот раскрыл ее и стал что-то жарко доказывать собеседникам. А у меня ком тошноты встал в горле. То ли от подвальной пыли, то ли... Вскоре Хмурый, Герман Васильевич, следователь, милиционер и еще какой-то незнакомый в штатском ушли из подвала. Мне было приказано, дожидаться усиленной бригады и лично контролировать работы. Я сел на скамеечку, на которой недавно сидела врач, продолжая раздумывать над услышанным разговором Хмурого и Германа Васильевича.

«Надо уходить с этой работы. Правильно говорит Шлях! Если Хмурый может так подставить – а я теперь не застрахован от этого – значит, бежать надо отсюда. Не хватало еще, чтобы на меня гибель человека «повесили». Тогда – тюрьма!» – думал я. Вдруг какое-то легкое дуновение шевельнуло мои волосы. Откуда в закрытом подвальном помещении ветер?! Но мои волосы действительно встали, наверное, дыбом, когда я увидел Силыча, живого и здорового, только какого-то... прозрачного. Он был одет во что-то белое, тоже прозрачное. И от него веяло чистым, по свежести похожим на морозный, воздухом. Он улыбался, как улыбался всякий раз, когда видел меня. Да и наверное, так он улыбался своими живыми глазами, полными ясного неба, каждому человеку. Но мне все равно стало не по себе.

– Силыч, ты же умер, – у меня зуб на зуб не попадал.

– Нет. Меня, правда, убило током. Но это неправда. Потом ты когда-нибудь все поймешь. А пока послушай. Меня специально отпустили, чтобы я тебя предупредил. На пятом этаже, в щитовой, электрик мотеля, совсем молодой парень, такое натворил! Посадят парня. Жалко. Он же по незнанию. И если б я не влез в трансформатор, была бы страшная авария и сильный пожар, погибли бы не только поляки, но и многие из наших. Вот и пришлось... Ты беги, пока еще там никого нет. Увидишь сам и поймешь. И исправишь... А мне пора...

Он было отвернулся, но вдруг сказал:

– Да, тебе еще предстоят такие встречи и не только со мной... Верь только тем, кто прочтет Иисусову молитву: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* И не бойся Хмурого. У тебя все скоро изменится. Только сам не плошай... А теперь беги в щитовую на пятый этаж...

– Силыч, погоди! – встрепенулся я. – Почему у тебя и тебе подобных такой взгляд, ну... как небо, даже яснее?

Вместо ответа, он приложил руку к груди и протянул ее ко мне, вынув из-за пазухи маленький блестящий крестик. А затем исчез. Я, не помня себя, рванул к лифту. Но перед его дверью хлопнул себя по лбу: все же обесточено! Десять пролетов лестницы промелькнули быстро: благо в армии дают хорошую физическую подготовку! А вот и щитовая. Даже не закрыта... Я успел! И когда обратно прикрыл дверь щитовой, в ней почему-то... щелкнул замок. А со стороны лестницы стал слышен громкий голос Хмурого. Я бросился в противоположную сторону и через запасной выход спустился на первый этаж, а оттуда в подвал.

Двое суток я, Борис – начальник участка, пять монтажников почти не вылезали из подвала. Потом приехали Хмурый, главный инженер, мой начальник производственного отдела, представитель Мосэнерго, еще какие-то специалисты. Трансформатор запустили. Мотель засверкал всеми люстрами, лампочками, бра, торшерами, настольными лампами, многоцветной рекламой. Герман Васильевич дал всем по два дня отгула. И я, заехав домой, чтобы привести себя в порядок, отправился на дачу... Заснув в электричке, чуть было не проехал свою остановку. Но вовремя вскинулся и выскочил из вагона сквозь уже закрывающиеся двери. Я решил идти не дорогой, а пройти лесом – так соскучился по живой природе!

Лес не пугал тишиной. Лес знаком с детства. Лес все расскажет, объяснит, если надо, покажет дорогу. Стоит только взглянуть на солнце – где оно? Или на сучки деревьев – где их больше? Или на муравейник – где круче, или с какой стороны прилепился к дереву? Наконец, на обыкновенный валун или пенек, с какой стороны у него больше растет мха? Все расскажет лес, если входить в него другом, братом, а не хозяином – к рабу...

Я опустил поводья. Конь шел сам по себе. Он ближе к лесу и чувствует, куда и как идти. Впереди маячили женские фигуры, ближе ко мне – фигуры свиты и прислуги. Мы наконец-то выехали к Черному Броду и пересекли его. На другом берегу реки уже стояли шатры, всюду разгорались костры, освежевывались и уже жарились многочисленные туши оленей, вепрей, зубров, медведей. Шатровый лагерь был окружен охраной. Один из моей дружины подъехал ко мне:

– Алекса! Мы расположились вокруг лагеря. Великий конунг...

– Его величество король... – хмыкнув, перебил я.

– Да, прости, его величество король выделил нам несколько хороших туш и бочонков с медом, – он улыбнулся, – скоро будет славная трапеза...

– Не больше одной чаши, – перебил я. – Всем быть наготове.

– Алекса! Такая охота! – пытался возразить дружинник, но, поймав мой взгляд, отъехал, опустив голову.

Я обернулся, кивнул Ольгу, и тот сразу подъехал ко мне.

– Сколько колодников осталось в живых? – неожиданно для самого себя спросил я.

– Двое. Которых мы видели, – ответил Ольг, опуская голову.

– А ты откуда уже знаешь?

– М-м-м... Королева-вдова сказала...

– Как Горемысл? – спросил я, чувствуя не то гнев, не то раздражение. Ольг свистнул по нашему. Тут же подскакал отрок. Ольг повторил мой вопрос.

– Сильно подрал его медведь. До кости. Сломана ключица, – был ответ.

– И-и-и! – вырвалось у меня, – Лучший воин! Вот твои христиане! – бросил я Ольгу.

– Это – не они, а Унгерих! – вдруг я увидел твердый, боевой взгляд юного дружинника, готового отстаивать правду даже перед князем. Теперь я опустил взгляд. Похоже, он был прав. Но я все же решил поперечить:

– Почему же Бог твоих христиан не спас их от клыков вепря?! А наши и готфы – невредимы!..

Ольг не успел ответить, потому что подскакал Гердерих.

– Его величество приглашает тебя в свой шатер, – сказал он, откидывая руку в приветствии и улыбаясь. – Славяне сегодня показали себя героями! По крайней мере один из вас. И хотя мы знаем о вашем коварстве, король поверил в вашу преданность. Поздравляю! От всего сердца.

Я поклонился в ответ и, показав кивком Ольгу следовать за мной, поскакал вслед Гердериху. Шатер короля стоял под огромной, свернутой в спираль, корявой в каждой ветке, бере-

зой. «У нас таких нет», – я вдруг вспомнил родную Рось... И вошел в шатер. Унгерих возлежал на медвежьих шкурах. Он был уже пьян, а отрок подливал и подливал ему.

– Ну, брат мой, славянин, – заговорил он слегка заплетающимся языком, – твои дружинники порадовали. И вы завтра насладитесь зрелищем: я казню каждого десятого своего воина за то, что не они, а чужеземец-славянин спас мне жизнь. Где были они? Скажи мне!

– Исполняю твой приказ. Это зависит не от того, славянин он или готф. Это зависит от чувства долга, который тяготеет над каждым из нас. К тому же, я думаю, в лесу много злых духов, которые и могли ослепить твоих, великий конунг, воинов. Казнить нужно не их, а злых духов. Но это не в наших силах. Если это позволительно, я дам тебе совет. Принеси в жертву богам самых лучших оленя, вепря, зубра и медведя. Боги примут эту твою благодарность и умилятся. А если виноват хоть один твой воин, они сами накажут его. Ведь именно волей богов мой лучший воин и помощник Горемысл имел честь спасти тебя, великий конунг, – переводил Ольг мои слова.

– Ты мудр, славянский князь Алекса! Можешь называть меня королем... – Унгерих как бы задумался, – я жалую твоему Горемыслу шкуру медведя, от которого он спас меня. Лечить его будут лучшие мои лекари. У Гердериха в замке живет один такой. А также, когда приедем в крепость, выбери сам ему драгоценность в моих сокровищницах. Это будет справедливо. Ты не заинтересован баловать своих воинов... А каждому дружиннику-славянину, Гердерих, – повернул к нему голову конунг, – дай золота по усмотрению их вождя.

И он кивнул на меня.

– А теперь, князь Алекса, – он снова повернулся ко мне, – выпей со мной чашу доброго вина, как у вас говорят, братину.

И Унгерих первым приложился к полной большой чаше. Выпив ее до половины, протянул мне.

– Я пью только мед, – ответил я. – Но в знак почтительности к тебе, великий король, я преступлю свое правило. Будь здрав, великий король!

Я допил чашу. А король продолжал:

– Ты сможешь насладиться своим любимым напитком. Я решил переночевать здесь, а завтра попируем в замке Гердериха. Хочу навестить своего лучшего вассала. А? – и он взглянул на Гердериха. Тот поклонился:

– Вы осчастливите меня, ваше величество.

Унгерих кивнул и продолжил:

– Разделите с Гердерихом территорию для охраны. Ты, князь Алекса, поставь-ка своих ратников вдоль реки, а ты, Гердерих, – со стороны леса... Да, князь Алекса, завтра оставь за себя старшего и будь гостем на пиру в замке Гердериха... Все... Я хочу отдохнуть...

Гердерих хлопнул в ладони. В шатер вбежало несколько слуг.

– Помогите великому королю, – сказал Гердерих.

Мы с Ольгом поклонились и вышли из шатра. Но не успели пройти и десяти шагов к лошадям, как услышали голос Гердериха, выскочившего, очевидно, вслед за нами. Он кричал на слуг. Те засуетились и кинулись укладывать на повозки туши зверей. Гердерих громко выговаривал старшему воину.

– Что он говорит? – спросил я Ольга, полагая, что речь идет о расстановке охраны.

– Он приказывает отвезти туши в замок, а жене передать, чтобы готовила пир, так как король осчастливит их своим приездом, – перевел Ольг.

Жену Гердериха я видел редко – только на больших пирах. Смуглая, темноволосая, гибкая, как змея, красавица не жаловалась ни королевой, ни королевной, ни королевой-вдовой. Зато Унгерих был учтив с ней, как ни с одной женщиной. Говорили, что она родом из каких-то римских колоний, откуда привез ее мать отец Унгериха, ходивший туда походом. Привез не как военную добычу, а именно как жену. Даже с небольшой свитой: служанками, семью шутами и

мрачным уродливым стариком, вечно ходившим в грязном балахоне и в полосатом покрывале на голове. Говорили, будто он какой-то мудрец. Как наследство, перешел после смерти матери – к дочери, и теперь живет в замке Гердериха – странно – на правах члена его семьи. Впрочем, мне-то что за дело... Надо расставить дружинников, установить череду сторожи.

– Волгуса ко мне, – крикнул я отроку, отдыхавшему у ближайшего нашего костра, и пошел к своей походной палатке.

Когда мы с Ольгом проходили недалеко от шатра королевы, юная ее служанка Уирко как бы случайно вспорхнула нам навстречу. И, пробегая мимо нас, что-то шепнула Ольгу. Я, как и все дружинники, хотя и общался с готфами через переводчика, уже немного понимал поготфски. «...На берегу, за ракитой», – услышал слова девушки и улыбнулся, подумав: «Молодость!..»

Волгус уже ждал меня у палатки. Мы оба вошли в нее и обсудили череду несения охраны лагеря.

– Неплохо бы подкрепиться, – завершил я разговор, вставая и откидывая полу палатки.

– Трапеза готова, – кивнул Волгус, – наши почти все уже поели.

Мы подошли к костру и уселись.

– А где Ольг? – осмотрелся я, – Он же тоже еще не ел...

– Коня пошел к реке обихаживать. Сказал, позже пообедает.

«За ракитой...» – улыбнулся я и, воздав хвалу Перуну, принялся за еду. Вскоре Ольг вернулся. Почему-то он был мрачнее тучи. Я доедал свою долю, когда к костру подошел Гердерих:

– Их величества и их высочество пожелали искупаться. Его величество милостиво разрешил. Возьми своих ратников и сопроводи к водопаду. Оставшееся зверье ушло далеко в лес, но с его стороны усилить сторожу не помешает.

Ольг перевел и – куда делась его мрачность – чему-то улыбнулся... Королева, королевна и королева-вдова с прислугой уже выходили из своих шатров к оседланным коням. Я оставил Волгуса старшим и с небольшим отрядом был готов отправиться следом. Но королева, а за ней и все остальные почему-то направили коней не к водопаду, а к Черному Броду.

– В чем дело? – спросил я Ольга, – у нас другой приказ!

Он подъехал к королеве и передал мои слова. Та остановила коня и кивком головы подзвала меня к себе.

– Добрый князь, – сказала она мягким и грустным голосом, – скажи мне, у тебя на родине, я слышала, предают земле после битвы даже убитых в ней врагов. Так ли это?

– Так, великая королева. Только сначала сжигают, – наклонил я голову.

– Не подобает ли мне, хозяйке этой земли, распорядиться с телами сегодняшних жертв по-хозяйски, по-человечески, если у моего короля руки не дошли до этого? Он за делами нашего большого королевства мог просто не додуматься, что предать земле несчастных – наша обязанность. И чтобы не искушать его, я решила это сделать тайно.

– Что такое «искушать»? – спросил я, услышав впервые это слово.

– Своими словами, поступками, чувствами, мыслями вызывать в другом человеке гнев, раздражительность и подобные чувства, мысли, ведущие к недобрым поступкам.

– Ваше величество, – я вдруг почувствовал какое-то несвойственное мне смущение, – а вы уверены, что из вашей свиты никто не донесет его величеству об этом вашем поступке?

– Нет, мой добрый воин. Здесь все единомысленны. И на твоих воинов я полагаюсь. Я долго молилась, чтобы королю была вложена в сердце мысль именно славян послать с нами.

– Но я не могу лгать королю! – пытался возразить я.

– Лгать и не придется. На обратном пути мы обязательно искупаемся, – опять мягко и грустно улыбнулась королева.

– Как прикажете, – склонил голову я.

Сколько удивительных совпадений. И даже то, что охрану лагеря по берегу реки несли мои дружинники...

По каким-то ей одной известным приметам королева направила коня к ближайшим останкам колодников. Там стоял воин-готф. Королева, заметив мой встревоженный взгляд и движение руки к мечу, жестом остановила меня и ободрила:

– Это верный человек, единомышленник.

– Реас, ты нашел других? – обратилась она к воину.

– Да, моя госпожа, – поклонился воин. – Игафракс и Иской уже снесли несколько... – он покосился на меня, Ольга и других моих дружинников и сказал еще одно непонятное слово, – ...мощей в одно место, где выкопана могила.

– Эти возьму я. А вы, мои хорошие, – обратилась королева к королевне и королеве-вдове, – перенесете другие. Не возражаете?

– Ну что ты, сестра, – ответила за обеих королева-вдова. И подала Гаафе чистую холстину, в которую та завернула останки.

Все действие заняло немного времени. Тела растерзанных колодников были преданы земле, причем каждая из свиты своими руками опускала в могилу одного из убитых. При этом они что-то тихо пели. Глаза поющих светились живым небом. Именно такой взгляд я видел у недавно спасшегося старика. Вдруг я заметил две фигуры, мелькнувшие между деревьями. Я привстал на стременах, выдернул лук и стрелу. То же сделали и другие мои дружинники.

– Не надо, – тронула меня за рукав королева-вдова, – это свои.

И действительно, в подошедших я узнал старика, о котором только что вспоминал, и его сокологника-отрока.

– Отцы Вафусий, Арпила, приступайте, – кивнула королева Гаафа и подошедшие запели. Готфские воины сняли шеломы. Все стоящие вокруг могилы изредка подпевали старику и отроку.

Наконец могилу засыпали. Королева что-то спросила у старика, тот ответил, покачивая головой. А я почему-то даже не попросил Ольга перевести... До водопада мы доскакали быстро. Я расставил охрану, а сам встал на возвышенности спиной к купающимся. Слышались всплески воды, звонкий смех королевны Дуклиды, королев-вдовы, служанок. И хотя они купались в длинных рубахах, я не смел обернуться. Наконец, по голосам я понял, что женщины вышли на берег, чтобы переодеться в палатке без крыши – ткани, обернутой вокруг четырех деревьев. Ну, вот и все. Мы готовы были тронуться в путь. Я свистнул, собирая дружинников. Королева-вдова и королевна развеселились и даже стали резвиться совсем по-детски. Королева Гаафа ласково улыбалась, глядя на них.

– Кто вперед доскачет до той сосны?! – крикнула Дуклида, когда мы выехали на открытое от густого леса, с редкими одиночными деревьями и кустами пространство, и пустила коня вскачь.

– Ну уж нет! – засмеялась королева-вдова. От купания ее лицо посвежело и стало казаться еще более юным. И скоро, прищипорив лошадку, она догнала и даже перегнала королевну. Но тут я ощутил в сердце какую-то тревогу и сжал колени. Жестом приказал дружинникам окружить королеву и свиту. Конь понес меня вслед развеселившимся не в меру... И тут я увидел, как из ближайшего кустарника наперерез королеве-вдове гигантскими прыжками буквально летит по воздуху огромная поджарая черная волчица. Конь бедняжки шарахнулся в сторону. Я жестко сдвинул колени, произнося известные с детства заговоры: летом волки не могут нападать... Во всяком случае, у нас, на Роси... Мой конь Брыс понял меня и метнулся наперерез зверю. Я был уже в десяти шагах, когда волчица, прыгнув, впилась в горло коню королев-вдовы, прижав к нему свое тело между его передними ногами, и когтями впившись в грудь и живот жертвы. Королева-вдова упала... Но тут подоспел я, своим конем загораживая ее от зверя. Волчица отпрыгнула от издыхающего коня и пыталась пробиться к упавшей наезд-

нице. Я выхватил меч, взмахнул раз, другой... Но что это?! Я не мог попасть по волчице. Она как-то по-змеиному извивалась в движении, всякий раз уходя из-под моего удара. Такого со мной еще никогда не было! Я разозлился на себя и спрыгнул с коня на хищницу. Тут мне удалось ударить ее по передней лапе – и то как-то вскользь. Волчица взвизгнула, отпрыгнула, оглянулась вокруг себя. Увидела Ольга и еще одного дружинника, несущихся к нам и уже натягивающих луки. Она еще раз взвизгнула. С языка ее капала розовая слюна. Волчица резко крутанулась на месте, но стрела Ольга впиалась ей опять в раненную лапу. Я не верил своим глазам. Волчица изогнулась и, зубами вытащив стрелу из раны, откинула ее далеко в сторону. Сама же на трех лапах, но все равно очень быстро, петляя, кинулась к кустам. Мои дружинники выстрелили еще и еще, но змеиные движения спасли зверя. А вскоре стрелы уже не доставали цель. Я поднял на руки бледную и дрожащую королеву-вдову. Она была как перышко...

– Как вы, ваше величество? – спросил я.

– Благодарю вас. Немного нога болит. Видимо, подвернула, когда падала...

Я кивнул Ольгу. Тот соскочил со своего коня, на которого я посадил бедняжку. Ольг вспрыгнул сзади дружинника на его коня. К нам подъехали остальные. Женщины были бледны.

– Сестра!.. – только и смогла сказать королева Гаафа.

– Все хорошо, сестра! – ответила королева-вдова и благодарно посмотрела на меня.

Теперь мы уже спокойно доехали до шатров. Румянец вернулся на щеки женщин. Еще издали я заметил Гердериха, который разговаривал со своим воином, стоявшим в охранении на нашем пути. Увидев нас, он поклонился. Конечно – королеве. А когда мы подъехали, спросил:

– Надеюсь, ваши величества и ваше высочество, вы хорошо искупались? – но в глазах его я увидел злое удивление, словно он ожидал чего-то другого.

– Благодарю, Гердерих, – мягко, но сухо ответила королева Гаафа, мы освежились, а теперь хотим отдохнуть.

– А где же конь королевы-вдовы? Почему она на славянской лошади? – заметил вдруг он.

– После, Гердерих, после... – махнула рукой королева.

И женщины поскакали к своим шатрам.

– Что же случилось? – строго спросил меня Гердерих.

– Волчица напала. Зарезала коня, – ответил я.

– Ну и где она? – в голосе Гердериха звучала насмешка. – Королю волчьи шкуры очень нужны.

– Убежала раненная.

– Что ж вы, славяне, одну волчицу убить не могли? Вот его величество-то огорчится...

– Не могли, – я спокойно глянул в его полные злорадства глаза.

– Интересно, а зайца вы без Горемысла подстрелить смогли бы?! – махнул рукой Гердерих и, развернувшись, зашагал к шатрам.

Я обернулся к своим. Они сидели верхом и отводили свои взгляды от моего.

– Не горюй, Алекса! – положил мне руку на плечо спешившийся Ольг. – Мы все видели, как ты спас королеву-вдову. И Горемысл с волчицей не справился бы. Она ж как змея вертелась. Сдается мне, уж не оборотень ли это был?!

– Скажи отрокам, чтобы коней обиходили, – ответил я и зашагал к своей палатке.

Я и не заметил, как подошел к даче со стороны леса. Отец что-то колотил в доме. Мать пропалывала грядку, а сестра Алина мыла посуду.

– О! Кто к нам приехал! – весело воскликнула мать. И тут же недовольно проворчала, – а что ж на выходные не приезжал? И почему сейчас не на работе?

Из дома вышел отец с двумя бутылками пива в руках. Мы сели за стол под старой развесистой сливой, и я рассказал о случившемся, о разговоре Хмурого с главным инженером, о

том, что двое суток не вылезал из подвала. Разумеется, о разговоре с Силычем я умолчал. А то мать опять напридумывает о моем здоровье что-нибудь.

– Ну почему именно с тобой все такое случается? – всплеснула руками мать. – Лёнь, – обратилась она к отцу, – позвони Васе Григорьеву, пусть этого Ульяна приструнит. А ты тоже, – теперь это относилось ко мне, – сам ушами не хлопай, не болтай лишнего. А то до тридцати лет дожил и ничего не нажил: ни семьи, ни квартиры... Это все твои стихи! Правильно отец говорит: «ахматовщина»!

– Мама, – оправдывался я, – ну я же работаю.

– Не спорь, мать правильно говорит, – вмешался отец. – Ну, хватит об этом. Два дня, говоришь, тебе дали отдохнуть. Вот и хорошо. На даче всегда дело найдется. Надо в лес сходить: я там две осины присмотрел, столбы надо менять у забора. Душ не хочешь принять с дорожки? Или вечером, после работы?

– Нет, сначала поработаем, – допил я свое пиво и поднялся из-за стола.

– Ты хоть завтракал сегодня? – спросила мать.

– Да, перекусил, – ответил я и пошел в дом переодеваться.

Я помог отцу добить «вагонкой» веранду, растопил летнюю печь под навесом, где мать и сестра собирались готовить обед. И мы с отцом, взяв две старые детские коляски без верха, топоры, пилу, веревки, пошли в лес за осинами.

– Осина менее всего поддается гниению. Поэтому из нее лучше всего получают столбы для забора, – рассуждал отец. – Только в месте соприкосновения земли с воздухом даже железные столбы гниют быстро. Ржавеют. Поэтому осиновые столбы следует обжигать до обугливания, обворачивать целлофаном от основания и – выше уровня земли...

«А еще осиновые колы применяют против нечистой силы», – непонятно откуда возникла у меня в голове мысль...

– Вот одна, – показал отец.

Высокая, ровная, как корабельная мачта, осина была сломлена у самого основания. Упав, она подогнула молоденькую березку, рябинку, какой-то кустарник. Но корой осина еще соединялась с корнями. Поэтому листья на ней казались свежими.

– Другая – подальше, – указал рукой отец. Мы прошли через болотце. Эта осина была сломана прямо посередине. Над ней придется потрудиться.

– Здесь неделю назад такой ураган был, – пояснил отец, – без света два дня сидели. Прямо светопреставление. Кстати, много берез повалило. Если их поперепилим и отвезем на дачу, то дровами будем обеспечены года на два.

– Папа, у меня же только два дня: сегодня и завтра. А в четверг – на работу, – напомнил я.

– Ну, в пятницу вечером сможешь приехать на все выходные.

– Посмотрим...

– Опять ты свое?!

– Папа, да пойми же ты, у меня есть какая-то личная жизнь. Мне уже тридцать лет. А вы с матерью сами говорите, что я ничего не добился. Хотя я – старший инженер производственного отдела самого мощного в Москве строительно-монтажного управления. Вот и надо чего-то добиваться в личной жизни...

– Ты сам уже один раз добился! Андрюшка теперь растет безотцовщиной... Впрочем, прости... – и отец замолчал. Двуручной пилой мы быстро пропилили и повалили стоящий кусок осины. Потом разметили ее на три равные части – будущие столбы, я обрубил топором ветки. Распилили ствол. Сцепив между собой коляски, погрузили на них бревна. И, как бурлаки, потянули их к даче.

Выпив по стакану ледяного – аж зубы свело – кваса, который мать достала из погреба, мы отправились за второй осиной. Она была потолще. Распилив ее, стали грузить на коляски,

подсунув петли веревок под концы столба. Так легче – накинув веревку на плечи, поднимаешь тяжесть всем корпусом. Когда погрузили третий столб, отец ойкнул и не смог разогнуться.

– Папа, что с тобой? – крикнул я.

– Опять спину сорвал... Радикулит, – опустил он на бревна. Я присел тоже. Мы закурили.

– Знаешь, я хотел поговорить с тобой, – начал я. Отец молча посмотрел на меня: мол, давай поговорим.

– Есть люди, которые носят кресты, – я не мог найти начала разговора.

– Христиане... – пожал плечами отец.

– Это-то я знаю...

– Бабушка твоя, Наталия Алексеевна, мама твоей матери, в церковь ходила, крест носила. Мать где-то прячет иконки. А я?.. Знаешь, мне как-то все это непонятно. Я ведь даже некрещеный...

– А я?..

– Тебя крестили еще младенцем – Наталия Алексеевна и сестра ее Ольга. Она крестила и мать твою. Поэтому мама и называет ее Кокой. Но крестили тебя тайно. Ты думаешь, поступил бы я учиться в академию, если б узнали, что я согласился крестить тебя? Эх, сынок, если б ты знал, столько, сколько я знаю...

– А где мой крест? Ведь всем, кого крестят, выдают кресты.

– Это ты у матери спросишь когда-нибудь. Понимаешь, я не знаю, есть Бог или нет. Кто Его видел? Говорят, Он – на небесах. Но космонавты летали, – и не видели. Какие у нас сейчас телескопы, да тоже не видать...

– Папа, но ведь людям не все говорят.

И я рассказал про Силыча, и что видел его после смерти. И про то, что он сказал мне.

– Видишь ли, сынок, – отвечал мне отец, – Мозг человека еще до конца не изучен. Да ты и сам знаешь. Вспомни, в своей дипломной работе ты исследовал зависимость профессионально значимых качеств офицеров, несущих боевое дежурство на ракетных комплексах, от основных свойств их нервной системы. Можешь ли ты сказать, что хоть на сотую часть исследовал этот вопрос? Конечно, нет. Мозг человека непознаваем. И никто не даст тебе стопроцентного ответа о том, что может вытворить тот или иной человек в непредвиденной ситуации. Разве не так?

– Да, так. Но, значит, все, что я исследовал – ерунда.

– Нет, дорогой мой. Это еще просто то, чего не открыла наша наука. Вот и Силыч твой – неисследованное явление твоего, заметь, тво-е-го мозга. Это я так думаю. Может быть, и ошибаюсь. У меня же другая специализация... А вот если бы ты не женился тогда на Татьяне, не ушел бы в результате всего этого из армии, может быть, тогда и пришел бы к началу решения многих проблем инженерной психологии.

– Папа, может быть, хватит о Татьяне?! Она же никогда не любила меня...

– А ты?..

Я замолчал. Потом спросил:

– Папа, а с тобой никогда не случалось такого, как со мной и с Силычем?

– Как тебе сказать? Такого – нет. Все, что происходило со мной, я всегда анализировал с точки зрения материализма и неисследованности наукой. Впрочем, был один странный случай... Наши ракетные войска стратегического назначения тогда еще только формировались. Монтировались и ставились на боевое дежурство первые ракетные комплексы. Помнишь, ты учился в третьем классе в Юрге, на Северном Урале? Там это и случилось. Мы шли колонной на установку наземного комплекса. Зима, мороз, тайга, ночь... Я тогда только стал заместителем главного инженера ракетного корпуса и возглавлял эту колонну. Представь, десять ракет на тягачах, все технологическое и монтажное оборудование к ним. И вдруг один из тягачей с ракетой на повороте начал сползать в кювет левыми задними колесами. Тридцать тонн! Пред-

ставь, если б ракета завалилась! Все тут же по радию узнали об этом. Колонна остановилась. Я и все офицеры кинулись к сползающей в кювет ракете и подставили себя под нее, как будто мы могли удержать такой груз... И вдруг один из нас крикнул: «Господи! Помоги!..» – и ракета остановилась. Мы вытянули тягач, выправили и добрались благополучно до места. А ведь и это можно просто объяснить: сползающие колеса наткнулись на валун под снегом, и сползание прекратилось...

– А что стало с тем, кто крикнул? – спросил я.

– То, что стукачество в армии распространено, ты на своей шкуре познал... А того офицера, призвавшего Бога на помощь, долго «таскали» в политотдел, в особый отдел, а потом уволили из армии как поврежденного рассудком. Я задумался было тогда. В отпуске взял у тещи Евангелие, пробовал почитать. Трудное это дело. Но более всего меня разочаровало, что зачем-то всегда надо плакать. А еще я подумал, что эта религия – религия запретов. В определенные дни не ешь. Этого не делай, того... А жить-то тогда зачем. И еще – не мужская это религия. «Не убий»... А как же Родину защищать? Да и много других непонятностей. Но с другой стороны, заметь, в моральном кодексе строителя коммунизма есть все нравственные принципы христианства... И нет этой слезливости, самоуничтожения, отказа от радостей жизни. Наоборот, человек – это звучит гордо!

– Ой, папа, не смейся! Взяты-то они взяты, а как исполняются? С трибун от простых людей требуют их исполнения. А те, кто требует, исполняют ли? Да сам знаешь и про полковника Беду, и про других начальников и руководителей. Нравственные принципы. Да этот «нравственник», начальник политотдела, коммунист и воспитатель коммунистов Беда ни одной юбки мимо себя не пропустил. Особенно любил жен молодых офицеров! Будто не знаешь... – возразил горячо я.

– До тридцати лет ты дожил, а сдерживать эмоций не научился. Я же не утверждаю категорично, а рассуждаю! – примиряющее обнял меня отец за плечо. – Докажи мне обратное моим рассуждениям. А потом, то, чем ты аргументируешь, наверное, было во все времена. А если бы иначе – то на земле бы начался такой общественно-политический строй, который у христиан называется раем...

– Вот вы где! – услышали мы голос матери. – А между прочим, обед уже готов. Мы с Алиной заждались.

Мать стояла шагах в десяти на тропинке.

– Я опять спину сорвал, – сказал отец, с трудом поднимаясь с бревен...

– Ты подталкивай шестом, а мы с Сашей потянем, – скомандовала она. – И на сегодня хватит тебе работать.

Мы с матерью впряглись и потащили. Она ворчала на отца:

– Вот, другие полковники солдат привозят на все тяжелые работы, а ты – все сам да сам! Пожалел бы себя и нас заодно. Давно пора пожить для себя...

Я вдруг поймал себя на мысли, что отец никогда не использовал солдат ни при одном из многочисленных переездов к новому месту службы – для погрузки и разгрузки мебели и других вещей, ни при строительстве дачи...

Обед был обильным! На столе красовались мой любимый салат с печенью трески, харчо с большими кусками баранины, запеченная в духовке курица, жареная картошка, колбаса, сыр и литровая банка домашнего черносмородинового вина прошлогоднего урожая. Так готовить умела только моя мать!

– Мама, – спросил я, обгладывая бараний позвонок, – а где мой крестильный крест?

Мать бросила быстрый взгляд на отца, но тот занимался своей порцией баранины, глядя в тарелку.

– А почему ты спрашиваешь об этом? Тебе мало было неприятностей в армии?! – ответила вопросом мать.

– Да так, просто интересно, – сделал я безразличное лицо.

– Не помню, где, – также деланно безразлично ответила мать. – После обеда отдохните часик. А потом ты, Саша, смени хотя бы пару столбов у забора. Если хочешь, мы с Алиной поможем тебе. А отец пусть отдохнет. – И обернулась к отцу. – Хочешь, я разотру мазью поясницу?

– Чего там помогать?! Сам справлюсь, – ответил я, и обед продолжался, как смеялся отец, «в теплой дружественной обстановке».

Я пол часика повалялся в гамаке. Отец устроился с книжкой под тенью сливы в раскладном кресле. Потом я счищал кору с осин, пилил их под один размер, коловоротом крутил под них дырки в земле. Отец несколько раз порывался помочь мне, но бдительность матери останавливала его. Я закончил работу уже в сумерках. Принял в душ в кабинке, придуманной отцом: на четырех металлических трубах выше человеческого роста устанавливался покрашенный в черный цвет бак, в который из колодца поступала вода, довольно нагревавшаяся за день, а по периметру, вокруг трубок натягивалась плотная непрозрачная полиэтиленовая занавеска. Все соседи ходили к нам перенимать опыт и монтировали у себя на участках такие же душевые кабины.

Ужин под сливой был не менее обильным, чем обед. Мать планировала работы на следующий день, распределяя задание каждому. И вдруг сказала, обращаясь к нам с отцом:

– А может быть, встанете на зорьке да на пруд сходите, искупаетесь, рыбки на уху к обеду наловите? Ратаны – такие сладкие!

– А что, давай, пап? – спросил я.

– Ну... если я встану, и если спина пройдет, – раздумывал отец, – можно и сходить. Тогда давай-ка, пораньше ложись. А то ты сегодня весь день работал, а до этого, сам говорил, двое суток из трансформаторной не вылезал.

Я был не против. Глаза после сытного, многоблюдового ужина действительно слипались. Пожелав всем спокойной ночи, я отправился в свою комнатку на втором этаже.

– В доме не кури! – крикнула вслед мать. – Пожар устроишь!

Я улегся, накрылся махровой простыней, но сон не приходил. Посмотрел на окно: оно было распахнуто, только затянуто марлей – от комаров. Все равно душно... И вдруг подумалось, что все эти три дня я даже не вспоминал про Силыча... А между тем под окном, на скамеечке, очевидно считая, что я сплю, родители завели разговор. Как бы я ни хотел, я не мог не услышать.

– Что это он про крест заговорил? – встревоженно, на повышенно-раздраженных тонах, но почти шепотом, заговорила мать.

– У них там рабочего убило, а Саша на нем увидел крест, – отвечал отец. – Потом, говорит, ему вроде как приведением явился этот рабочий.

– Ну вот! Этого только не хватало! Бедный мальчик! Ведь если он поверит, увлечется, опять вляпается в какие-нибудь неприятности. Он же такой прямой, открытый, доверчивый...

– Да что ты говоришь?! Какие неприятности?! Сейчас же не Ленин, не Сталин, не Хрущев... Брежнев-то церкви не притесняет, – рассуждал отец.

– Брежнев, Брежнев... А кто после него будет?! Вдруг опять тридцать седьмой... А Сталина ты не тронь! Вспомни, как после войны уже через год карточки отменили. А кто во время войны церкви открыл, кто священников из тюрем да лагерей выпустил? Святые мощи вернул?! Это Хрущ-поганец пообещал, что к 80-му году последнего попа в клетке в зоопарке показывать будут.

– А ты сама-то слышала это?

– Слышала.

– А я не слышал... И вообще, что ты вздыбилась?

– Говорю же, мальчика жалко! Не дай Бог, увлечется этим...

- Мальчику уже тридцать лет. Не слишком ли мы его опекали и опекаем?!
- Опекаем? А кто его в военное училище отпустил? Кто говорил: «Пусть попробует»?
- Попробовала бы не отпустить...
- Папа, мама, что вы так расшумелись? Спать мешаете, – слышался голос сестры

Алины.

– А ты спи и не слушай, – ответила мать. И громким шепотом добавила, – женщину бы ему найти!

– Что ты мелешь?! Сам найдет. Не маленький.

– Нашел уже одну...

– Ну, ты опять за свое. Подумаешь, не получилось. Развелись... Андрейку жалко. Такой ребенок! – в голосе отца звенела горечь.

– Ладно, – уже мягче сказала мать, – пойдем спать. Вы ведь завтра рано утром на рыбалку собрались. Молоко и сладкие пирожки в холодильнике. Не забудьте позавтракать. Да возвращайтесь не позднее девяти. Ему же завтра вечером – в Москву.

Все стихло. Я на цыпочках спустился по лестнице и вышел из дома. Закурил. Из комнаты родителей доносился их непрерывающийся шепот. Значит, меня не слышали... Я сидел на лавочке и глядел в небо. Галактики... Мегагалактики... Вселенная... Звезды... Их взрывы... Взрывы на солнце... Какие-то обрывочные мысли из «Основ астрономии» и «Космических ракетных комплексов»... Миллионы, миллиарды лет все это существует... Стоп! Но ведь даже марксистско-ленинская философия утверждает: «Ничто не возникает из ничего и не исчезает бесследно». Из чего же тогда возникли звезды? Вот эта лавочка, на которой я сижу, была семечком, выросшим в дерево, и семя – от дерева... И еще, и еще миллионы раз... А из чего возникло первое, самое первое на земле семя? И если его органика возникла из неорганики, то почему сейчас этого не происходит. Почему со времени превращения обезьяны в человека – а это миллионы лет по Дарвину – больше ни одна обезьяна не стала человеком? И неорганика сама собой не превращается в органику семени дерева, цветка? Что-то здесь не сходится...

– О чем задумался, детина? – рядом со мной стояла мать.

– Да вот, вышел покурить... Заснул, было, но проснулся от голоса Алины, – соврал я.

– Вы с отцом полуночники! А ведь завтра – на рыбалку. Иди-ка ложись, закрой глаза и представь что-нибудь хорошее. Ромашковую поляну, например. Ты переутомился, вот и заснуть не можешь. А сон – это здоровье! Может быть, тебе валерианочки дать?

Я мотнул головой, еще раз пожелал доброй ночи и быстро поднялся к себе. Юркнул под простыню и мгновенно заснул. Во сне я пилил осины, коловоротил ямы под столбы... Но когда, открыв глаза, увидел подходившего ко мне отца, понял, что выспался. На пруду, после купания, мы таскали мелких ротанов одного за другим, и я попробовал возобновить вчерашний разговор. Но даже мои вчерашние мысли при взгляде на звезды не подействовали на отца. Он либо отшучивался, либо ловко переводил разговор на другую тему. Наконец, он взглянул на часы и сказал:

– О! Уже без десяти девять. Мать заждалась. Сворачиваем удочки.

День прошел в выполнении вчерашних планов матери. Обед был поздним – в пять часов. А после него отец вызвался проводить меня до станции. Я простился с матерью и сестрой. И мы отправились. В пивной на станции, куда мы зашли в ожидании электрички, отец, запив пивом соленую баранку, вдруг сказал:

– Ты прости, что я не поддержал твой разговор на рыбалке. Мне давно самому хочется разобраться во всем этом. Только... не получается. Не сходится... Вот найду кончик клубка – мы обязательно поговорим.

Я смотрел из окна тронувшегося вагона, а он махал мне рукой. В дороге ни о чем и ни о ком не думалось. Разве что об отце. Какой он у меня замечательный! А я – у него?..

...Дома я долго ходил из угла в угол своей комнаты... Внутри меня стучалось в сердце какое-то ожидание чего-то. И вдруг вспомнил, что Силыч говорил мне про какую-то Иисусову молитву. Интересно!.. Я зашел в комнату родителей и стал вынимать из книжного шкафа книги... Ага, вот она, во втором ряду... В моих руках было Святое Евангелие, оставшееся после смерти бабушки, маминой мамы, Наталии Алексеевны. Я завалился на свой топчан и раскрыл книгу.

«1914 год» – удивился я дате издания. Листы были вертикально разделены пополам. Справа буквы были похожи на русские, многие с какими-то закорючками наверху, и большинство слов – непонятно. Слева – можно было прочесть, правда, спотыкаясь на всяких «i», «f», «e» и некоторых других. Слова читались, но как-то отдаленно, не проникая в меня...

Внутри книги обнаружилась картинка на ткани – икона Богородицы – уж это я знал! Она, видимо, служила бабушке закладкой. Я вгляделся в нее... И она вдруг, словно ожила и смотрела на меня, чего-то ожидая... Какого-то поступка. И лицо ее... Нет не лицо, а лик – это более поэтично, возвышенно и в то же время естественно – было прекрасно. Опять – не то! Я не мог найти слова, чтобы выразить эту красоту. Это был лик не просто Женщины, не просто Матери, а Матери всех матерей на земле. Я сбегал в комнату родителей, принес английские булавки и за самые кончики уголков приколот иконку к обоям над моим топчаном. Долго смотреть на нее я не мог. Глаза слезились. Слезы щипали. Стояли они и в горле... Отчего это? Что это со мной?..

Я лежал в своей походной палатке с открытыми полами на войлочной попоне и никак не мог заснуть. Духота. Изредка перекрикивались охранники-готфы. Мои дружинники применяли птичий крик.

В памяти у меня возникали то злорадные глаза Гердериха, то бледное, испуганное личико королевы-вдовы, так близко находившееся от моего лица, когда я поднял ее с земли, то сцена захоронения останков колодников. Вспомнились и их лица: спокойные, сосредоточенные и светящиеся живым небом глаза. В них не было ни страдания, ни испуга... Они же прекрасно понимали, что идут погибать. И шли без оружия... Таких глаз и лиц я не видел даже у воинов, идущих на смерть – с оружием! – чтобы защитить своих отцов, матерей, жен, детей, родной очаг.

Я сам – воин с детства. И когда летишь в бой, то в сердце вспыхивает азарт битвы... Тогда закипает кровь, и не думаешь ни о жизни, ни о смерти, только об одном – драться, убить врага! Но перед битвой или после нее все же бывают предательские мгновения, когда взгрустнется: а вдруг убьют, и я никогда не увижу родной Роси, матери, отца, сестер, братьев, сына... О чем же думали, что чувствовали эти люди, идя в лапы, пасти, на клыки и рога зверей? «Они шли так, как я, если буду жив, пойду к берегам моей любимой Роси...» – вдруг подумалось мне.

Что это я расслабился?!

...Как благородна была королева-вдова, приняв участие в погребении убийц ее мужа! Наверное, поэтому и слез у нее не было. Но глаза ее в это время были похожи на глаза спасшегося старика или тех, кто шли, связанные попарно, на смерть без оружия. И почему она целовала эти останки? Ничего не понятно. Я рывком встал, надел шлем, накинул плащ. Спать в доспехах и сапогах, с пристегнутым мечом стало еще отроческой привычкой, как, впрочем, у всех наших.

Я вышел из палатки. Ольг сидел у костра. Сейчас была его черда внутреннего охранения. Он, видимо, только сменился с поста у реки. И сидел, закутавшись в плащ.

– А ты мужаешь, – улыбнулся я, опускаясь рядом с ним на бревно.

– Почему ты говоришь так, словно я – отрок? – вскинул на меня глаза Ольг.

– Мне понравилась сегодня твердость твоего взгляда и голоса. Глядишь, и за меч возьмешься, чтобы защитить христиан...

– А-а-а, вот ты к чему... Я защищал не христиан, а истину, – вновь опустил голову Ольг.

– Пойми, брат, – я обнял его за плечо, – мы должны быть очень осторожны. Мы здесь не просто ратники!.. Вспомни, сколько наши отцы и деды воевали с готфами. Сколько росичей погибло! И сейчас, когда установлен мир и наши народы обменялись дружинами, мы – не Алекса, Ольг, Горемысл, Волгус, Радослав, Ратислав или еще кто-то из наших. Мы здесь – мир и союзничество между готфами и славянами. И нужно быть очень внимательными, чтобы со своими законами не влезть в законы готфов. Ты только представь, если по нашей вине снова вспыхнет война между нами. У нас войн итак хватает. И дикие лесные племена – с заката солнца, и северные дикари, и с Понта – римляне... И унгры, и всякие кочевники, и... Тебе не надо перечислять... А так наша маленькая дружина миром и своей службой Унгериху сдерживает целый народ, да еще их союзников, только и мечтающих пограбить славянские земли.

– Да... – Ольг удивленно смотрел на меня, – я как-то и не думал об этом.

Я оглянулся: нет ли кого лишнего рядом, и продолжал почти шепотом:

– Ольг, как воин ты молод. Но есть нечто, в чем ты разбираешься лучше меня. Растолкуй ты мне, почему эти христиане чуть ли не с радостью шли сегодня на смерть? Как будто шли на давно решенную в их пользу победную битву! Почему королева-вдова целовала останки убийц ее мужа? Ведь это ни жалостью, ни благородством не объяснишь...

– Мне трудно ответить тебе... Я знаю только то, о чем говорят в окружении королевы.

– И о чем же?..

– Возможно, это только женские домысли, пересуды... А твое любопытство – не мужская черта, – он поднял на меня свои большие голубые глаза. В них опять, отражая всполохи костра, заглялась уже знакомая мне твердость.

– Так-то ты разговариваешь со своим князем? – полушутливо-полурассерженно повысил я голос.

– Но ты же сам в начале разговора назвал меня братом! – не отрываясь, смотрел на меня Ольг.

– Ладно, – я опять положил ему руку на плечо, – понимаешь, не лезть со своими законами к готфам – это одно. И это одно не воспрещает другое: знать их законы, знать их жизнь, до подробностей. Хотя бы для того, чтобы по незнанию не влезть в их закон. Что-то плетет против нас Гердерих. Ты видел его взгляд сегодня?

– Конечно. Уж лучше б на поединок вызвал.

– Вот этого тоже нельзя допускать. Он – самый приближенный к конунгу, то есть к королю... Ну, что ты ответишь на мои вопросы?

– Хорошо. Слушай... Я попробую. Многие говорят, что бывший король был отравлен. Знает это и королева-вдова. Говорят, что сделал это Гердерих, чтобы поставить на престол старшего брата – младшего – Унгериха, да и самому при этом пожить. Жена Гердериха – большая мастерица на всякие зелья. Этому ремеслу ее научил старик, который жил еще при матери Герды, – так ее называют здесь, хотя слышали, как старик назвал ее по-другому. Я сбивчиво говорю? – Ольг посмотрел на меня, действительно, как на старшего брата.

– Нет, продолжай, – кивнул я.

– Старик никуда не выходит из замка Гердериха. Мы там завтра будем впервые. И королева-вдова очень тяготеет тем, что ей придется сидеть за одним столом с убийцами ее мужа.

– Но это не доказано. Христиане – тоже возможные убийцы...

– Вот чтобы разубедить тебя в этом, мне придется теперь ответить на первый твой вопрос. Христиане не могут быть убийцами, потому что один из их главных законов гласит: *Не убий!* Так повелел Бог и Господь Иисус Христос. Его распяли, но Он и на Кресте молился за своих убийц и просил простить им.

– Нет, погоди-погоди. А как же враги, которые нападают на твою землю, убивают сородичей, грабят твоё добро? Что-то я не понял... Их что, тоже нельзя убивать? И потом, если

Он – Бог, то как мог позволить распять Себя и Кому молился за распинателей? – встряхнул я головой.

– Об убийстве врагов – вопрос особый. А молился Бог и Господь Иисус Христос Богу Отцу... Ох, боюсь я, не сумею объяснить это тебе. Бог Отец позволил Богу Сыну снизойти на землю, чтобы спасти всех людей, а они распяли Его на кресте.

– Вот это славно, по-нашему: послать Сына пострадать за весь род! – хлопнул я себя по коленям ладонями.

– Алекса, потише, – остановил меня Ольг.

– Продолжай, я не буду перебивать.

– Эх, сейчас бы сюда Вафусия или Верка – пресвитеров. Это священники. Ну, как у славян или у готфов – волхвы. Вафусий – это тот старик, которого не задрал медведь... А Верка ты не видел. Они бы тебе все толком объяснили. А сейчас я хочу сказать о другом. Христиане никогда не пьют человеческой крови и не едят человеческой плоти. В обряде у христиан есть вкушение вина и хлеба, которые во время Божественной службы, в результате великого Таинства превращаются в Кровь и Тело Бога и Господа Иисуса Христа. Он этому научил своих учеников – апостолов – перед самым Своим распятием...

– Так христиане едят своего Бога? – не укладывалось у меня в голове.

– Нет, так христиане соединяются с ним, становятся частью Его Тела и Крови. Я же говорю, Он Сам заповедовал это. А вкушают они все святые Кровь и Тело в виде вина и хлеба. Но слушай! Бог и Господь Иисус Христос пошел на распятие, чтобы спасти всех людей для будущей жизни.

– В Нави что ли? – вспомнились слова нашего волхва о будущем каждого славянина. Тут усмешка сама выползла ко мне на губы. – Не слишком-то умен Унгерих, если в его королевстве так распространилось христианство.

– Оно распространилось во всем мире, – ответил Ольг.

Я внимательно посмотрел ему в глаза и твердо спросил:

– А ты, дружинник Ольг – христианин?

– Я – христианин, – также твердо ответил он.

– И когда же ты им стал? – теперь я не мог смотреть на него.

– Как ты знаешь, меня, по обычаю, совет старейшин отобрал в возрасте семи лет обучаться быть дружинником. Я уехал из семьи. Но всю свою дальнейшую жизнь помнил, что мои дед и бабушка, отец и мать, братья и сестры всегда молились Богу и Господу нашему Иисусу Христу.

Ольг тоже не глядел на меня.

– Ты хочешь сказать, что у нас на Руси есть христиане? – кровь стучала у меня в висках.

– Уже почти триста лет, – улыбнулся Ольг. Теперь я чувствовал себя мальчишкой перед ним.

– Как это, если кругом – изваяния Перуна, других богов? Если все почитают их, приносят им жертвы?..

– Нет, не все. И далеко не все! Триста без малого лет назад, как рассказывал мне дед, со слов своего деда, проходил через наши земли первый ученик Бога и Господа нашего Иисуса Христа Андрей, названный Первозванным. Вот он бы тебе все объяснил, как многим, которые и стали славянскими христианами. Как весь мой род. И здесь я нашел христиан. Для нас умереть за Христа – значит жить вечно.

– Где жить-то? – я даже охрип. Сняв с пояса фляжку, глотнул воды, протянул Ольгу. Тот помотал головой и ответил:

– Со Христом!

– А где Он живет, если Его распяли?

– В Своем Царствии Небесном.

- А если христианину не удастся погибнуть, то он туда не попадет?
- Почему же?! Для этого надо не грешить, согрешив, каяться в грехах пресвитеру, а потом причащаться Крови и Тела Христовых.
- Это как – не грешить? И как увидеть Царствие Его?
- А разве ты видел жилища славянских богов?
- Конечно. Капища.
- Но богов-то ты там никогда не видел, одни их изваяния. Так?
- Ну-у... да...
- А у Бога и Господа Иисуса Христа есть дома в разных землях. Это – храмы.
- Ну, и Его там можно увидеть?!
- Это уж по вере каждого, – улыбнулся Ольг. – Помнишь старика перед медведем? Так вот, я уже говорил, он – пресвитер. Помнишь, как он смотрел в небо? Он молился и увидел Господа. И Тот запретил медведю трогать Своего служителя.
- А что ж все остальные не видели? Он либо лжет, либо мухоморов объелся, и ему привиделось...
- У христиан есть еще один закон: *не лги*. Ты же меня спросил недавно, христианин ли я, – я не мог лгать!
- И у славян есть такой закон... А другие какие?.. Так, погоди... – рассуждал я. – Как Иисус Христос может жить, если его распяли?
- Очень просто. Он взял все грехи людские на себя, пострадал за них и через три дня воскрес, – улыбался Ольг.
- Хм... «Оч-чень просто»... Как это – воскрес? Мертвый уходит в Навь к праотцам. Я что-то никогда не видел ни одного воскресшего мертвеца.
- Алекса! Но Он же – Бог! Он волен делать то, что людям невозможно. Вспомни, как воскресает природа после зимы!
- Ну-у, да...
- Тут краем глаза я заметил в отблеске костра крадущуюся за палатками человеческую тень. Шепнув Ольгу «погоди», прыгнул в ее сторону. Мне нужна была именно силовая разрядка. Я сжал в темноте что-то хрупкое и слабое. Оно пискнуло от хватки моих рук. Вытащив на свет свою добычу, я увидел, что это королевская служанка Уирко.
- Уж не шпионит ли она? – кивнул я на девушку Ольгу.
- Она же не понимает по-нашему, – усмехнулся он.
- Да... Как я сам об этом не подумал? Спроси ее, что она здесь делает? – я постарался вложить в свой тон всю строгость, на которую был способен.
- Алекса, я отстоял свою чреду. Вон и сменщик мой идет, – он кивнул в сторону. – Я прогуляюсь с ней до реки?
- Ах, вот оно в чем дело! – засмеялся я. – Ох, и заморочил ты меня. Ладно, иди, дело молодое. Только далеко не заходите. Я надеюсь, вы идете не к Черному Броду, за этими, как их, мо... мо...
- Нет, князь, не за ними, – улыбнулся в ответ Ольг и поклонился мне.
- «Хороший дружинник, – думал я, сидя у костра. – Умный, ловкий воин. Честный, преданный. Таких бы побольше... А не предает ли он веру предков? Ведь от такого предательства и до измены недалеко. И с этой Уирко встречается... Нет. Веру предков своего рода он не предает. Я помню его деда, знаю отца – настоящие славяне. И сам Ольг для общего дела нашего служит безукоризненно. А как он кинулся на выручку мне в схватке с волчицей! И законы христианские похожи на наши, славянские. Тогда какая же разница, какому Богу он служит!»
- Недалеко от костра между палатками прохаживался сменщик Ольга. Я кивнул ему:
- Иди к огню поближе. Во внутренней охране можно и посидеть.

А сам побрел к своей палатке, бросился там на войлок в надежде заснуть. Но мысли вернулись к Ольгу: «И взгляд его похож на взгляды Гаафы, Дуклиды, Аллы, их служанок, воинов, участвующих в погребении и христиан-колодников, и, самое главное, – старика». Я не видел такого взгляда у наших дружинников. А ведь все несли свою службу намного лучше готфов...

Створки палатки были распахнуты. И я увидел светлеющий сквозь звезды небосвод. Там должны быть души моих предков... Но если они не были христианами, то для них закрыто Царствие Небесное... Возможно, на небе – тоже много всяких царствий, королевств, княжеств, империй. А предки мои были мужественные, честные славянские воины, и где-то, хочется надеяться, они сейчас в хорошем месте, с медом и мясом...

Солнце стояло уже высоко. Волгус перед моей палаткой отдавал распоряжения десятникам. Увидев меня, выскочившего наружу, он улыбнулся:

– Не гневайся, Алекса, ты вчера устал, и я решил не будить тебя. Взял вот смелость распределить дружинников по пути следования короля Унгериха в замок Гердериха.

– Благодарю, брат, – улыбнулся в ответ и я, расстегивая рубаху и доспех, подставил руки, лицо, шею под струю воды из кувшина, в самое время поднесенного расторопным отроком.

– А где Ольг? – фыркая от свежести воды, спросил я.

– В своей палатке отдыхает. Он всю ночь охранял. Сначала на берегу – весь лагерь, потом у костра – наши палатки. Потом опять на берегу юную служанку королевы...

Волгус и десятники дружно засмеялись.

– Если третья чреда мешает двум другим, может быть, – начал было я...

– Его третья чреда, словно мед, веселит и взбадривает. Ему после нее – хоть в сечу! – обведя всех веселым взглядом, сказал Радомир. И десятники, а с ними и я, и Волгус захохотали.

– А что ж, он – в палатке? – я все еще не отошел от веселья.

– Придумывает, что в следующий раз спеть своей Уирко, бубнит что-то, – ответил Волгус, вызвав новую волну смеха.

– Ну-ну, – сдвинул я брови, – поменьше разговоров о них обоих, имя девушки вслух тоже не называйте... Ладно, мы знаем. А если узнает Гердерих или еще кто-нибудь?!

– Да будет так! – отчеканил Волгус, и все десятники разошлись распорядиться о сборе к отъезду.

В это время к моей палатке подскакал телохранитель Гердериха с его значком на пике и щите. Их украшала очень худая морда зубра с огненными глазами, длинной заостренной бородой и такими же рогами... «Не зубр, а козел какой-то», – в который раз подумал я. Подоспевший Ольг перевел его слова:

– Мой господин передал, чтобы ты, славянский князь, готовил своих воинов к отъезду в его замок. Вы должны следовать в тылу и с флангов, а ты с переводчиком – в свите королевы.

Этот старый воин говорил глухо и однообразно, глядя вроде бы на меня, но мимо. Все лицо его было в глубоких шрамах. Похоже, что он еще помнил войну славян с готфами... Наконец, Черный Брод остался позади. Все участники необычной охоты, за исключением королевы, королевны и королевы-вдовы, ехали, весело переговариваясь. Я поначалу перебирал в памяти вчерашний разговор с Ольгом, не умея свести концы с концами. Но, опомнившись, – мы же все-таки ратники – выбросил, с трудом, правда, его из головы.

Я долго не мог прийти в себя. Пролистал Евангелие – в который раз! И, наконец, вдруг мои глаза впились в слова: *Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.*

Пальцы как бы сами сложились в щепоть, а мизинец и безымянный прижались к ладони. Рука поднялась ко лбу и... остановилась. «А дальше как? – думал я. – На правое или на левое

плечо?...» Может быть, если бы я не задумался, то и сделал бы правильно. А если бы неправильно? Нет, здесь нужна четкость! Я перечитал еще раз в левом столбце, а потом перевод – в правом.

Теплая душистая волна накатилась на меня. Так, помнится, было в детстве. Мать лежала с грудной Алиной в больнице: восьмимесячная сестра заболела крупозным воспалением легких. Было уже поздно, темно, за окном шел дождь. Наплакавшись от одиночества и непонятного страха, я вдруг услышал, как в замке поворачивается ключ.

– Папа! – кинулся я в прихожую и ткнулся лицом в мокрый плащ-накидку отца, вернувшегося со службы. От него пахло только ему присущим запахом. Но для меня этот запах был душистее и приятнее всех цветов и духов, и одеколонов. Отец скинул плащ-накидку прямо на пол, подхватил меня на руки, поцеловал, обнял, отнес в комнату, уложил в кровать и долго гладил по голове. А теплая, душистая волна уносила меня в сон. Но она не прошла даже тогда, когда мы с ним вдвоем утром жарили яичницу на сале, а потом запивали ее молоком. Остатки волны я чувствовал даже тогда, когда во дворе мы разошлись: я – в школу, а отец – на службу...

Вот и теперь... Со смыкающимися глазами я все-таки заставил себя встать и выключил свет. Но стоило мне улечься, как началось нечто немыслимое. Откуда-то выползла большая черная волчица, и, извиваясь по-змеиному, стала скулить по-человечески:

– Ну, зачем тебе все это? Ты же – талантливый поэт, может быть, даже гениальный! Дай мне почитать, да-да, только почитать эту книжку... Положи ее под свой топчан... Я потом возьму. А тебя из-за нее могут с работы выгнать. Мало у тебя было неприятностей?!

Тут же из угла появилось серое лицо старика. Оно было похоже на корень, выброшенный на берег из озера или моря после долгой шлифовки о волны, прибрежные камни и песок. Страшное это было лицо! Огромный, свисающий до подбородка, выступающего далеко вперед, крючковатый нос, вставшие дыбом волосы – тонкие корешки, борода – они же. И все это спутано, взъерошено, коряво... Красные глаза высыпали угли. Тела не было видно. И рука-корень, протягивающаяся ко мне, существовала как бы отдельно от головы этого уродца. Он хрипел:

– Ну что ты придумал? Тебе надо наладить личную жизнь. Заведи себе женщину. И жениться на ней совсем не обязательно. Ходи к ней раз в неделю с ночевкой. И это будет живая женщина, а не та, которую ты пришил на стенку... Я ведь могу помочь тебе...

Старик-корень то резко надвигался на меня, то отстранялся. А за ним уже возникли какие-то фигуры каких-то странных воинов... Они были словно вырублены из целиковых стволов деревьев. Темные, почти безликие – черты лиц только грубо обозначены – надвигались на меня и отстранялись одновременно со стариком... Они уже почти заслонили все звездное небо, пробивающееся через тонкий кружевной тюль. И тут стало действительно жутко! «Если они закроют небо, – неожиданно обожгла меня мысль, – то я его уже никогда не увижу...» Я, как в детстве, когда звал отца, крикнул, только по-другому:

– *Отче наш, Иже еси на небесех!..*

Сквозь шторы уже пробивалось солнце. Значит, я спал! Ух, приснится же! И тут зазвонил будильник. Обычно я радовался по утрам, особенно, если светило солнце. Но сегодня настроение было соответственно впечатлению от сна. Я помотал головой, стряхивая его остатки, и пошел в душ. Как обычно, пожарил на сале яичницу с колбасой, запил стаканом молока, сунул в спортивную сумку первую попавшуюся книжку и через несколько минут уже ехал в троллейбусе. Книжка оказалась... Евангелием. Обидно: его я, естественно, не стал доставать – что еще люди подумают.

На работе все было как всегда: однотонно-тягуче. Сверка схем энергоснабжения: силовые, высоковольтные, низковольтные, телефонные кабели, электрощиты, трансформаторы... Хотелось плюнуть на все! Я не любил свою работу. Так хотелось творчества, стихов или хотя бы научной работы по инженерной психологии в продолжение диплома... Но последнее для меня было закрыто как для «исключенца» из партии. Ну и наплевать! И я снова взялся за

схему. Ближе к вечеру вошел главный инженер и, сделав заговорщицкое лицо, пригласил меня к себе в кабинет. Там он расплылся в кресле, предложив мне присесть напротив.

– Ну, как тебе, Саша, работается? – спросил он.

– Спасибо, я стараюсь.

– Знаю. Вижу. Говорят, ты схему здания вычитываешь за день, в то время как другие – за три?

– Должность обязывает. Я – старший инженер, а другие – просто инженеры.

– Ты сам один выпустил прекрасную стенгазету и на Новый год, и на женский день, и на День строителя...

– Герман Васильевич! Я в военном училище был редактором стенной газеты все пять лет. Так что, кое-какой опыт есть.

– За два дня под твоим руководством демонтировали сгоревший трансформатор и смонтировали новый...

– Это просто хорошие, опытные монтажники попались.

– Ну что ж, не любишь ты, когда тебя хвалят!

– Почему? Кто ж этого не любит? – улыбнулся я.

– Ну, а теперь серьезно. Хочу предупредить тебя. Я дошел до главного инженера от ученика монтажника. И знаю наш рабочий коллектив. К сожалению, есть люди, которые внешне поражаются твоим успехам, а потом... втихаря подставят ножку.

– Что? Я допустил какую-то ошибку? – недоумевал я, всегда считая, что врагов здесь у меня нет.

– Нет. Более того, руководство управления решило изыскать возможность, притом, что все мы из-за смерти Силыча лишены премии, вознаградить тебя некоторой суммой.

– Герман Васильевич! Я не могу взять этих денег, если все лишены. Ну, отдайте их тогда семье Силыча.

– Если ты такой бесребренник, сам и отдай...

Откуда-то в голове появилась мысль: «Ты же хотел купить себе костюм, в отпуск съездить куда-нибудь, отдохнуть...». Другая мысль перебила: «Костюм! Турне! Дадут двадцатку, купишь на нее пять бутылок портвейна и – к Шляховским...».

– Двадцать рублей нести в семью Силыча?! – усмехнулся я.

– А почему ты решаешь за руководство? Вчера на совещании решено наградить тебя двумя окладами, – Герман Васильевич победно покачивался в кресле взад и вперед, – Ну как?

– Я отдам их вдове Силыча.

– Ох, блаженный ты какой-то. Правильно твоя мама говорит.

Кровь ударила мне в голову... Но вдруг за спиной главного инженера возник расплывчатый силуэт Силыча. Отчетливыми были только его глаза. Они, загораживая собой портрет Брежнева, светились живым небом и улыбались...

– Иди в кассу, получай! – услышал я голос вставшего рывком с кресла Германа Васильевича, почему-то повернулся по-военному на каблуках и вышел из кабинета.

В кассе действительно мне выдали триста шестьдесят(!) рублей... «Да здесь не только на хороший импортный костюм...», – откуда-то в голове возникла мысль. «А Силыч?» – перебила ее другая...

– С тебя причитается! – крикнул пробежавший мимо Борис.

«Неужели только мне дали премию?! – подумал я, а Борис ушел. – Лады, пивняк работает до девяти.

– Я шучу, – улыбнулся он. – Вся бригада премирована.

– Слушай, – схватил я его за рукав, – а давай отдадим эти деньги жене Силыча..., то есть вдове!

– Старичок, – опустил глаза Борис, – у меня жена на сносях... Пойми!

– Да-да, конечно... – теперь глаза опустил я.

Борис нырнул в кабинет начальника соседнего участка, а я пошел в отдел кадров узнать адрес Силыча.

...На мой звонок дверь быстро открылась, и я... остолбенел. Передо мной стояла недавняя добрая женщина-контролер. Только теперь она была в черном платье и таком же платке. Лишь глаза, правда, теперь окаймленные краснотой по краям век, оставались прежними, как тогда, когда впервые поразили меня. А ведь у Силыча тоже были такие глаза.

– Ты?... Вы?... – она, конечно, узнала меня. Такие глаза не могут не узнать.

– Вот, оказывается, мы вместе работали с вашим мужем, – начал я.

– Что, от профсоюзной организации прислали? – опустила она глаза.

– А что, разве от работы никто не приходил? – не понял я, памятуя, что главный инженер был не очень доволен моим желанием навестить семью Силыча и отдать им свою премию.

– Заходи... – зато, кажется, все поняла хозяйка дома. – Мы только что с кладбища. На третий день не смогли похоронить: два выходных. А потом, сейчас столько документов надо оформлять. Да еще и экспертиза.

– Да нет, я просто... Я – Саша, – я не знал, что и как сказать, как отдать деньги. А женщина взяла меня за рукав и буквально силой ввела в квартиру, захлопнув за мной входную дверь.

В большой комнате, где я оказался, за столом сидело тринадцать человек. А во главе – поп. С большим сверкающим крестом на груди!

– Это – Александр. Он работал вместе с Олегом Силычем, – представила меня хозяйка.

– Отец Валерий, – представился поп, поднимаясь со стула. – А вы из бригады Олега?

– Нет, я работаю в производственном отделе. Просто...

– Присаживайтесь, – пригласил поп и обратился к хозяйке, – налей-ка, матушка Василиса кисельку нашему гостю, да помянем еще раз новопреставленного раба Божия Олега.

«Как это?... Киселем? – мелькнуло у меня в голове. – Они что, совсем от горя умом тронулись?»

– Так вот, мои дорогие, – вдруг сказал поп и пристально взглянул на меня, – а потому испокон века на Руси и не поминают православные христиане своих усопших спиртным, что там – он показал ладонью вверх – по учению святых отцов, им от этого очень плохо... Ну да ладно... Со святыми упокой – запел он густым басом, и все, перекрестившись, подхватили. Я тоже попробовал перекреститься: не со своим же уставом в чужой монастырь... Молодая женщина, дотронувшись до моего локтя, прошептала:

– После лба и чрева – сначала на правое плечо...

Она накладывала щепоть, показывая, а я повторил. Ага, теперь буду знать. Мы все сели за стол. Мне положили рис с изюмом, блины с медом, поставили тарелку шей, а потом еще чего-то сладкого. Потом все в разговорах вспоминали Силыча. Когда очередь дошла до вдовы, оказалось, что познакомились они, когда им было всего по четырнадцать лет, в лагере. Нет, не в фашистском, а в нашем, куда Олега, как «сына кулака и церковника» определили, оторвав от семьи. На нем была роба из мешковины, а под ней, как рассказала матушка Василиса, – кожа да кости, и она, девочка из соседней с лагерем сибирской деревни, пожалела подростка: принесла нижнее белье отца, сама укоротив его.

– Носила ему хлеб, – продолжала рассказ хозяйка дома, – а по праздникам – и кусочек курочки, ночью передавая под колючей проволокой. Все рассказала отцу. Но тот, погладив меня по голове, только и сказал: *Блажени милостивин...* А сам после этого, нередко, как я заметила, то яйцо подложит в мой узелок для Олега, то пряник... Так прошло четыре года... Однажды вечером, когда отец, по обычаю, запахивал ставни, зажигал лучину и читал шепотом Псалтирь, он вдруг кликнул меня. Погладил по голове и сказал: «Молись за него!» Я и молилась. Молилась о здравии даже тогда, когда Олег в числе первых заключенных вызвался

на фронт, в штрафной батальон... А я все молилась. В избе, в лесу, в поле... И через пять лет с двумя тяжелыми, тремя легкими ранениями и одной медалью Олег вернулся. Он тогда вошел в избу, перекрестился на святыне образа и бухнулся в ноги отцу. «Отдай, – говорит, – отче, Василису за меня!» Отец зыркнул – так огненно! – на меня и, увидев, как я опустила глаза, повелел Олегу: «А прочти-ка мне Символ веры».

– И что ж, прочитал? – спросил худенький, как тростиночка, юноша с жидкой бороденкой.

Хозяйка дома утерла уголком черного платка глаза, грустно улыбнулась и выдохнула:

– Пропе-е-ел!

– Отец взял нас за руки, – продолжала вдова, – соединил их и сказал: «Бог да благословит вас, дети мои!» Потом перекрестился и пошел запрягать телегу. Долго мы ехали по тайге дорогами, невидимыми постороннему человеку. Подъехали к озеру. Отец затеплил свечку в фонаре и прикрыл ее несколько раз полый пиджака. Вскоре от другого берега, как мне показалось, отделилась лодка с одним гребцом. Он-то и переправил нас... Только не на другой берег, а на остров посередине озера. Долго вел нас гребец между деревьев и валунов, все время поднимаясь вверх. Наконец вышли мы к трещине в скале, прикрытой густым кустарником... Я и лица гребца почти не видела, – сумерки были, и шел он, низко опустив голову. К тому же, все смотрела и не могла насмотреться на своего Олежку. А гребец, тем временем, отодвинул ветки-то и впустил нас в трещину. Мы спустились по влажным ступеням. Но не было ни жути, ни даже беспокойства. Наоборот, какая-то радость наполняла сердце. Пройдя несколько поворотов то направо, то налево, мы, наконец, оказались в небольшой зале. Нас ожидал старец с небольшим деревянным крестом на груди. Отец мой поклонился ему в ноги, а за ним – и мы. «Благослови, отче», – вставая, протянул он руки к старцу. «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», – осенил нас широким крестом батюшка. «Вот, отче, привез дочь и суженого ее. Смилуйся, обвенчай по закону!» – сказал отец. «А по благодати»? – зорко так взглянул на нас старец. И добавил: «Переночуйте. Завтра исповедуетесь. Причаститесь Святых Тайн. А там – как Бог даст. Поди, давно не исповедовался?» – спросил он у Олега. «Последний раз – в лагере, пять лет назад, перед отправкой на фронт. Был у нас там отец Андрей... Простите, мои дорогие, – обернулся он ко мне и отцу. – Я ведь большую часть гостинцев ваших тогда батюшке Андрею и еще одному священнику отдавал». «Василь, – громко позвал тогда старец. И когда из какой-то двери вышел молодой послушник, сказал ему: «Отведи девицу к послушникам, а сего молодца к себе в келью возьми, да правило ко Причастию хорошенько вместе с ним почитай»...

– Это что ж, – катакомбный монастырь был, что ли? – перебила рассказ пожилая женщина в углу стола.

– Нет, обычная тайная община... Были там и белые священники, и монахи, даже епископ, да и миряне тоже, которым удалось бежать, узнав о предстоящем аресте. Принимали и беглых из лагерей, и матушек... Много детей, отроков, да отроковиц насельники пещер тогда спасли. Сами ж знаете, как было: выведут в тайгу на работу, и самых ослабевших там оставляют. Хорошо, хоть не расстреливали – патронов жалели. Да из тайги-то выйти трудно, тем более, если сил нет...

– И что ж стало с общиной? – поинтересовался поп Валерий.

– Уже при Хрущеве обнаружили, выслали десантников. Всех забрали, – как рассказывал мне потом отец, – а пещеры взорвали, – вздохнула хозяйка дома. И продолжила. – Вот так на следующий день после исповеди и причастили нас с Олегом, и обручили, и обвенчали.

Я сидел и не знал, куда девать руки, ноги, всего себя. «Секта какая-то», – мелькнула мысль.

– Матушка Василиса, – заметил поп, – а ведь во время войны и после нее вроде как церкви, семинарии открывали, священников из тюрем и лагерей освобождали...

– И-и-и, батюшка Валерий, – это здесь, в Москве, да в Питере, да в других больших городах так было. А у нас в лагерных да таежных, да болотных местах до середины 50-х годов люди в заключении сгорали... Царствие им Небесное... – перекрестилась хозяйка, а за ней и все остальные. – Потому-то мы и благословились в Москву уехать сразу после свадьбы. У Олега-то никого из родни в живых не осталось... Здесь он пошел сперва чернорабочим, а, закончив вечерний техникум, стал монтажником. Сколько раз ему предлагали перейти то техником, то мастером. Но там надо было в КПСС вступать. А он сказал: «Лучше землю руками копать буду, но вступить туда – от Бога отречься!» Так и остался монтажником...

Со стены из портрета в черной рамке на меня глядел Силыч. Глядел живыми глазами, улыбаясь. И я услышал – но не слова его и не ушами, а, скорее, мысль, чувство – сердцем, умом: «Ничего не бойся. У тебя все наладится. И не секта это, а образ жизни русского человека».

– Ну что, Александр, – услышал я голос попа Валерия, – интересно? Поди, думаешь, в какую ты секту попал? Нет, дорогой мой, мы – Русская Православная Церковь, которая берет свое начало еще в первом веке от Рождества Христова молитвами, трудами и подвигами святого Апостола Андрея Первозванного, принесшего еще тогда нашу святую веру славянам.

И тут я неожиданно для себя самого рассказал о том, как увидел и услышал Силыча в трансформаторной после того, как тело его уже увезли.

– Да, – задумался поп Валерий. – Теперь я, кажется, понимаю, почему ты сегодня здесь оказался... Ну да ладно, – поднялся он из-за стола. – Помянули новопреставленного раба Божия Олега. Слава Тебе, Господи! Пора и честь знать. Будем молиться за упокоевание его души. А мне завтра служить.

– Прости меня, брат Александр, – вдруг обратился он ко мне, – я не буду звать тебя в церковь. Но, если что, приходи! Буду рад поговорить.

Теперь я мог разглядеть всего его: русые кудри до плеч, сейчас прибранные в косицу, дополняли красоту чисто славянского лица вкупе с такой же русой густой бородой, которую кое-где уже пронзили струйки седых волос. Высокий лоб уходил вверх и назад от больших, голубых, светящихся живым небом глаз. Его фигуру портретист или скульптор назвал бы атлетической. Широкие плечи опускались в руки, мускулы которых, казалось, вот-вот разорвут рукава его длиннополой одежды, и заканчивались пудовыми кулаками. Живота, который так любят приписывать людям этого сословия, не было вообще. Движения его были лишены всякой суетливости, от природы выверенные, спокойные, точные. Если бы он был в обычной одежде, коротко стриженный, без бороды, я принял бы его за офицера-десантника или за актера, амплуа которого – русские богатыри.

Я тоже решил попрощаться. «А деньги?!» – вспомнилось вдруг. Сложенный пополам конверт с ними лежал в кармане рубашки. Я оглядел комнату и тут – словно кто-то подсказал мне – увидел большую вазу с цветами на столике под портретом Силыча. Пока остальные раскланивались с попом, прикладывались к его руке – вот еще, мужику руку целовать! – я подложил незаметно конверт под эту вазу. А прощаясь с матушкой Василисой, написал на листке из блокнота со стихами свои домашний и рабочий номера телефонов и протянул ей:

– Если нужна какая помощь, звоните, не стесняйтесь...

– И-и-и, милый, – грустно улыбнулась она, – у меня помощников-то: два сына и дочь, – кивнула на двух мужчин примерно моего возраста и девушку, стоящих за ее спиной. Тут же добавила: – Да вся община нашего храма. Но все равно спаси тебя Господи! А вот если тебе понадобится наша помощь... Ведь не случайно Олег-то тебе явился. Не к кому-то из нас, родных, а к тебе. Николенька – повернулась она к одному из сыновей, – запиши наш телефон.

– Спасибо, – остановил я его, – не трудитесь. Я взял в отделе кадров на всякий случай, когда собирался к вам. Всего вам доброго.

– С Богом! – ответила за всех матушка Василиса.

...На улице было тепло и свежо. Пока я сидел на поминках, по Москве прошелся дождь, избавивший от духоты. В памяти перебирался вечер: рассказ вдовы Силыча, улыбчивый поп, сыновья-здоровяки и дочь-красавица... Я вдруг почувствовал, что груз на сердце от сегодняшних ночных сновидений (или видений?) исчез. Вместо него я весь был пронизан какой-то необъяснимой легкостью и теплотой. Редкие прохожие все, как один, казались добрыми и красивыми... «А может быть, они все с крестами на груди? – подумал я. – А я один такой... Ни-какой!» «Да нет же! А родители, сестра, Шляховский, Соня, Эдик, Хмурый, Герман Васильевич! А сколько рабочих на объектах в жару я видел голыми по пояс и без крестов!.. – вторглась в меня другая мысль и продолжилась: – Сегодняшние поминальщики – исключение. А правило – мы, все остальные, без крестов». Легкость и теплота исчезли.

– *Отче наш...* – почему-то вдруг выдохнул я. И сразу подумал: «А может статься, что исключение, как злокачественная опухоль, разрастается и пожирает правило, которое уменьшается до размера первого? Ведь сколько народу сидело в лагерях, сколько было расстреляно! Не они ли были правилом? А исключение – горстка революционеров – заражая образ жизни, как сказал Силыч, планомерно уничтожала это правило...» Ох, слышала бы меня сейчас моя мать! Вот, была бы мне трепка!

Дома, перед тем как заснуть, я опять попытался почитать Евангелие. Открыл наугад. Первое, что попало на глаза, прочитал: *Блажени милостивии, яко тии помилованы будут.*

«Это как?» – подумал я и... заснул. Без сновидений. А утро началось обычно: душ, завтрак, дорога на работу... Благо, конец рабочей недели.

Впереди скакали телохранители и трубачи. Последние резкими звуками возвещали, что едет великий конунг со своей свитой. Справа и слева на расстоянии пятидесяти шагов вдоль дороги скакали мои дружинники. Сновали воины Унгериха и телохранители Гердериха. Ольг держался справа и сзади от меня и выглядел каким-то озабоченным. Мимо мелькали леса, перелески, поля, засеянные ячменем, рожью, низкорослой пшеницей. К склонам холмов лепились «длинные» дома подданных Унгериха. В этих домах размещалось все хозяйство готфских семей: жилые помещения, кладовые с утварью, хлев для скота, стойла для коней, сеновал – все под одной крышей. Готфы считали, что так удобнее.

Наконец, показалась центральная башня-дворец замка Гердериха. Черная, хмурая, она высоко вознеслась над окрестностями, окруженная глубоким, вонючим рвом, толстыми дубовыми стенами и круглыми угловыми, как бы приплюснутыми башнями, завершающимися непропорционально высокими крутыми крышами. Центральная башня была каменной – единственное после королевской крепости такое строение. Ольг, подсказав ко мне, рассказал, что, как он слышал, Гердерих нанимал римлян для ее строительства сразу после женитьбы, а все ходы, галереи, жилые покои, подземелье, подсобные помещения планировал старик, приехавший с матерью Герды.

Сколько раз я с дружинниками проезжал мимо! Но мы предпочитали переночевать в лесу, видневшемся за три тысячи шагов, нежели воспользоваться гостеприимством хозяев замка. Даже зимой.

Однако, приказ есть приказ... Вся охота под торжественный звук рогов, труб, гром барабанов, бубнов, трещеток въехала через перекидной мост в ворота замка.

– А что так мрачны королева, королевна и королева-вдова? – спросил я Ольга.

– Они не любят бывать здесь, – ответил он. – Сердце королевы подсказывает, что здесь нас ожидает нечто неприятное.

– Она сама это сказала? – не поворачивая головы и кивая встречающим нас жителям замка, спросил я.

– Мне об этом успела шепнуть Уирко.

В это время еще громче и резче затрубили трубы. Король подъехал к главному входу в башню-дворец Гердериха. Здесь перед открытыми большими дубовыми дверями на ступенях стояла целая свита, возглавляемая Гердой, женой Гердериха. Одна рука ее была забинтована и висела на перевязи. В другой она держала золотой венец в виде сплетенных листьев. Унгерих спешил и с улыбкой подошел к ней. Я же теперь мог разглядеть ее вблизи. Тонкая, изящная фигура Герды застыла, как змея, готовящаяся броситься на свою жертву. Тонкие черты смуглого лица, нос с едва заметной горбинкой, огромные черные глаза, губы были неподвижны, словно у изваяния. Слегка подергивались лишь тонкие, словно высеченные из камня, ноздри.

– О, великий король Унгерих! – произнесла хозяйка замка. – Сначала я хочу попросить прощения за свой вид. Я сама готовила этот пир для тебя! И когда стояла рядом с мясником, рубившим тушу медведя, из-под его топора отскочила кость и впиалась в мою руку. Но я счастлива послужить тебе, как всегда служил и служит мой дорогой супруг, даже ценой своей пролитой крови. А теперь позволь о другом. На родине моей матери принято венчать великих людей, героических победителей врагов венком из драгоценных металлов. Так благоволи возложить этот золотой венок на твою венчанную богами голову в честь твоей победы не только над дикими зверями, кои и посевы наши губят, и скот режут, а бывает, и подданных твоих... Главная твоя победа над людьми – нет! – я не могу назвать их людьми! – над существами, имеющими облик человеческий, называющими себя христианами, пьющими человеческую кровь и пожирающими плоть людскую! Ты в эти благословенные дни показал, что они хуже всякого хищника, и то, что им нет места в твоём благословленном богами королевстве.

Унгерих – со слезами на глазах! – обвел взглядом всех собравшихся вокруг и преклонил одно колено. Герда возложила венок на его голову и громко возгласила:

– А теперь, великий король, и вас, ваши величества, и вас, ваше высочество, и всех ваших приближенных – для нас близких и родных – прошу проследовать в парадную залу и подкрепиться с дороги. Все благословлено нашими великими жрецами, а значит – и богами.

Говоря последнюю фразу, она, слегка наклонив вниз голову, исподлобья внимательно обвела взглядом всех собравшихся, остановившись на мгновение на королеве Гаафе.

– Дорогая Герда, – громко крикнул в ответ Унгерих. Глаза его были мутны от восторга. – Я счастлив уподобиться великим победителям родины твоей матери. Твои слова – призывание меня на подвиг во славу богов наших. Я обязуюсь: на моей земле не будет ни одного христианина, как не будет ни одного захватчика. Я прикажу прикрепить этот венец к моему боевому золоченому шелому, чтобы всегда помнить свое призывание от богов наших.

Я искал глазами в свите старика, о котором так много слышал, но его не было. Вопросительно повернул голову к Ольгу.

– Его здесь и не будет, – понял он мои мысли. – Возможно, появится на пиру...

Я снял шелом и, кивнув Волгусу, оставляя его за старшего, вошел в башню, сопровождаемый Ольгом. Оказалось, что помещение внутри намного шире, чем можно было предположить. Все проследовали в главную залу, уставленную большими столами. Чего здесь только не было! Пирамиды, сложенные из жареных уток, фаршированных яблоками и какими-то заморскими пряностями, рядом – из гусей, тетеревов, глухарей – каждая со своей начинкой. Околока, грудинки, запеченные целиком лебеди, зелень – всего не перечислишь. Посередине залы, между столами на огромных блюдах возлежали казавшиеся живыми медведь, вепри, зубр и олени. Гердерих хлопнул в ладоши, и слуги, словно покрывала, сдернули с них шкуры, под которыми были целиком запеченные туши зверей. По четырем углам залы рядами стояли огромные кувшины с винами и медами. Особой изысканностью блюд готфы, впрочем, как и славяне, не отличаются, но пиры у них – обильные!

– О, великий король! – возвысил свой голос Гердерих. – Благоволи разрубить яства, дарованные нам богами нашими на охоте.

Унгерих встал, принял из рук оруженосца большой боевой топор, и, ухая каждый раз, с первого же удара поочередно отрубал головы запеченных зверей. Зала разразилась воплями славословия. А Гердерих, поднося королю золотую чашу с вином, снова громко заговорил:

– Глядя на это великолепное зрелище, я поневоле вспомнил, великий король, как ты во время последнего похода на границы Рима одним ударом от плеча до седла разрубил четырех вражеских всадников.

Он, опустившись на колено, подал чашу Унгериху, взял свою, поднял ее и крикнул:

– За тебя, великий конунг! Великий король! Слава тебе!

Зала зазвенела каждым камнем от славословия присутствующих.

– Алекса! Не пей этого вина! – шепнул мне Ольг, стоящий позади меня.

– Ты что? – удивился я, обернувшись. – Ты же гость, а не слуга, не отрок!

– Так будет лучше, – ответил он и налил мне меду из неведомо откуда взявшегося в его руках кувшина.

Унгерих осушил свою чашу до дна и, выдернув из ножен тонкий длинный нож, отрезал ухо медведю. Им он закусил, смачно хрустя хрящом. Вернувшись на свое место, он спросил так громко, что все остальные сразу замолчали:

– Гердерих! Снаружи твоя башня-дворец кажется не такой вместительной, как оказывается внутри. В чем секрет?

– Ваше величество, – ответила за мужа Герда, – вместе с моей матерью к нам с ее родины приехал великий мудрец, ученый... Он обучал и моих отца с матерью разным наукам, и меня, когда я могла сознательно внимать ему. Он и придумал эту башню-дворец, он и руководил римлянами, которых нанял мой муж для строительства.

– Хотел бы я иметь таких строителей. Где вы их наняли? Опыт у них уже есть... – воскликнул с завистью Унгерих.

– Очень жаль, ваше величество, но после отъезда строителей в римские земли мы скоро узнали, что перед границей на них напали какие-то разбойники, забрали нашу щедрую оплату и всех умертвили, – сделала Герда печальное лицо.

– Но ведь тот, кто придумал все это, жив! Хотел бы я поговорить с ним! – не унимался Унгерих.

– Ваша воля – закон! Только благоволите мне напомнить, что мы собрались пировать, веселиться, а не вести ученые разговоры. А поговорить с моим учителем вы можете завтра, если пожелаете, – наклонила голову Герда.

– И то верно! – воскликнул Унгерих, поднимая свою уже вновь наполненную чашу. – И чтобы дом сей был столь же полон, как эта чаша!

Все опять разразились славословиями. Я обратил внимание на королеву Гаафу, ее дочь и королеву-вдову. В их золотых римских – трофейных, – блюдах лежала только зелень, а к чашам при каждом славословии, они едва прикасались губами, и было видно, что вино не достигало их. Я обернулся к Ольгу...

– Алекса! Молю тебя, не прикасайся к вину! И мяса этого не вкушай! – твердил он.

– Почему ты приказываешь своему князю? – возмутился я, – На столе столько вкусовых!

– Я просто по-братски прошу тебя, – улыбнулся он примиряюще. – Я все потом объясню. Да ты скоро и сам увидишь!

А пир разгорался. Свита разгулялась вовсю. На тушах оставалось совсем немного мяса. Но слуги внесли главное блюдо – жареную кровь. По зале разнесся гул восторга. Слово взяла Герда:

– Предание гласит – кто съест кровь крупного зверя, будет столь же дерзок, хитер и силен, как этот зверь!

Зала ответила славословием. Зубы сидящих за столом впивались в это главное блюдо, как только оно оказывалось пред ними. Когда подошедший ко мне слуга, попытался положить мне крови, Ольг остановил его:

– Мой хозяин уже вкушал.

– Ольг, – обернулся я к нему, – да что с тобой сегодня? На родине мы же едим кровяную колбасу.

– Я не ел никогда, – ответил он. – И в нашем роду – тоже. Прости, что не поговорил с тобой заранее. Но, сдается мне, здесь не только кровь животных...

Я недоуменно посмотрел на него, ничего не понимая. Не много ли он на себя берет?! От этой мысли меня отвлекло творившееся с сидящими за столами. Их движения из пьяновальжных превращались в резкие, хватистые, рвущие, какие-то даже звериные. И они при этом довольно хохотали, кривлялись, хлопали друг друга по плечам, спинам, коленям... Это делали даже женщины! Неужели Ольг был прав, предупредив меня?! В это время заиграли рожки, свирели, сопелки, луки, ударили барабаны и бубны. Слуги ловко подхватили блюда с обглоданными скелетами зверей и вынесли вон. А на их место выкатились восемь шутов и шутих. Ох, что они вытворяли!

Первым пустился в пляс лысый толстяк с красным обвислым лицом, лоснящимся от жира и пота. Он был в грязной засаленной и залитой вином рубахе и таких же штанах. В одной руке он держал полуобглоданный окорок, в другой кувшин с вином. И к тому, и к другому толстяк то и дело прикладывался. Все движения его выражали ненасытность. Но это веселило зрителей. Они кидали ему мелкие куски, и толстяк жадно, но вместе с тем ловко, ловил их ртом. А потом запивал из кувшина, разбрызгивая вино в разные стороны. Вдруг к нему прильнула тонкая, грациозная, но с неестественно большой грудью, шутиха. Единственной ее одеждой была прозрачная накидка. Но руки, ноги, шея сверкали обильными драгоценностями. Она обвивалась вокруг толстяка, делая самые невероятные, неестественные и непристойные движения, – даже я отвернул от нее взгляд. Но, оглядев залу, увидел, что глаза сидящих за столами жадно ловят каждое движение шутихи, горят каким-то красным светом, а языки облизывают пересохшие от возбуждения губы. Многие хлопали в ладоши и топали ногами, одобрительно выкрикивали что-то нечленораздельное. Даже глаза верховного волхва возбужденно поблескивали, а посох постукивал о пол в такт музыке. Я взглянул на королеву, королевну и королеву-вдову. Они сидели, низко опустив головы, и губы их что-то шептали. Третьим выступил тощий коротышка в серой драной рубахе, увешанной всякими золочеными побрякушками. На поясе у него висели мешочки, внутренность которых позвякивала в такт его прыжкам. Он обегал вдоль столов, протягивая правую руку, как бы клянча денег. Ему давали мелкие монеты, которые тут же исчезали в мешочках на поясе. В то же время другая его рука хватала со стола то небольшое блюдо, но ножичек, то малую женскую чашу, которые тут же прятались за пазухой. Он непрерывно кривлялся: жалобность сменялись сарказмом, улыбка – гневным выражением... Зрители корчились от смеха.

Четвертый шут был страшен. Длинный крючковатый нос свисал до далеко выступающего вперед подбородка. Маленькие глазки, бегающие по сторонам, казалось, метали молнии. Скулы находились в постоянном движении. Он толкнул шутиху, рыкнул на третьего шута, сорвав у него с пояса один из мешочков, пнул толстяка и вдруг залился собачьим лаем, кидаясь на других, пытаясь ударить, толкнуть, и опять пнуть кого-нибудь... Сидящие за столами стонали от смеха, улюлюкали, кидали в него мелкие кости. И тут в центр залы выплыли еще две шутихи. Одна – с зелеными волосами, другая – с белыми, как снег. Движения этих были какими-то обрывающимися в самом их начале, словно делались через силу... Глаза шутих изредка поднимались от пола, полные слез, печали и уныния. Музыка при их появлении стала похожа то ли на собачий, то ли на волчий вой. Другие шуты пытались их тормошить, щипали, слегка толкали, раскручивали. На это одна из последних оскаливалась и щелкала зубами, а

другая делала вид, что рыдает... Это вызвало новые взрывы хохота зрителей. Но вот появилась еще одна пара. Женщина была некрасива собой, но изысканно одета и вся унижена всевозможными украшениями. Высокий, стройный, почти по-женски красивый мужчина в одежде был ей под стать. Правда, было видно, что все украшения – ненастоящие, но это не мешало им важно, как-то по-петушиному, пройти по кругу с высоко поднятыми подбородками. Женщина откуда-то достала большую – под золото – монету, и, обведя всех собравшихся взглядом сверху вниз, подала ее шуту с мешочками на поясе. Мужчина же вообще ни на кого не смотрел. Он встал посередине залы, достал из складок плаща металлическое зеркало и уставился в него. Так в полной тишине прошло несколько мгновений.

Но вновь быстро заиграла музыка, и шуты понеслись в пляске, кувыркаясь и прыгая. Все зрители в восторге били в ладоши, топали, кричали, размахивали руками, опрокидывая кубки, чаши, блюда. Куски, слетевшие со столов, тут же подхватывались собаками, отбегающими и огрызающимися друг на друга. В углу между ними возникла драка. Где-то брызнула кровь... Унгерих, хохоча, перепрыгнул через стол, за ним последовали Гердерих, Герда и все остальные гости. Они прыгали, извивались, кривлялись, взвизгивали вместе с шутами, опрокидывали столы, лавки.

Королева Гаафа, королевна и королева-вдова тихо встали и, стараясь быть незаметными, ушли из залы со своими слугами, служанками и несколькими воинами. Было похоже, что их ухода никто и не заметил. Моя кровь тоже возбужденно бурлила, но я не позволил себе впрыгнуть в пляску.

Унгерих, красный и потный, изредка останавливался, принимал от слуги чашу с вином, опрокидывал ее в себя и снова пускался в веселье. Казалось, он никого и ничего не видел. «Да, – подумал я, – у нас, на Роси так не веселятся...». Слуги тем временем ставили на место столы и лавки. Шуты исчезли, и все уселись на свои места.

– Веселый пир, Гердерих, – уже слегка заплетающимся языком произнес Унгерих. Чаша в его руках дрожала от возбуждения.

– Это заслуга моей дорогой Герды, – поклонился Гердерих.

– О! Благодарствую, Герда! – Унгерих снял перстень с мизинца и протянул его жене Гердериха. Та поцеловала руку конунгу и низко склонила голову, принимая подарок.

– А где моя королева, моя жена, моя Гаафа? – вдруг встрепенулся Унгерих.

– Ваше величество, – из-за колонны выступила старая служанка. – Их величества и их высочество очень устали на охоте и благоволили отойти отдыхать.

– Только почему вместо себя эту старую каргу, а не какую-нибудь молодую оставили?! – видимо, король уже плохо отдавал отчет своим словам... – Эй, Герда, где твоя голая шутиха, такая вкусенькая?

– Воля вашего величества – закон, – поклонилась Герда. – Если изволите, следуйте в опочивальню. А шутиха придет к вам.

Двое телохранителей подхватили Унгериха, плохо владеющего уже не только языком, но и ногами, и повели из залы. Я сделал знак дружинникам, чтобы они следовали за ними. Тут Гердерих подошел ко мне:

– Не трудись, князь Алекса, дай отдохнуть своим ратникам, не ставь охрану к королевским покоем. Он – в моем доме. И я позабочусь о его безопасности. А вы, славяне – тоже мои гости. Я повелел выдать твоим доблестным ратникам несколько бочонков вина и несколько жареных туш, зелени, хлеба. Пусть попируют.

– Прости, князь Гердерих, я служу королю и не знаю, как он посмотрит завтра, если славян не будет в охране.

Мы раскланялись и разошлись.

– Прикажи усилить охрану покоев королевы, королевны и королевы-вдовы. Мне почему-то вспомнилась черная волчица. И на сердце возникла какая-то необъяснимая тревога, – шепнул Ольг.

– Да? И у меня – тоже. Скажи принести мне ведро колодезной воды и позвать Волгуса, – согласился с ним я.

В покое, отведенном мне, я умылся по пояс. Ледяная вода взбудрила. Я отдал пришедшему Волгусу все распоряжения и бросился на широкое ложе. Ольг устроился рядом на полу, подстелив свой плащ. Железные ставни и рамы с разноцветными слюдяными стеклами были распахнуты. Но духота все равно ощущалась. «Быть грозе», – подумал я и с этой мыслью уснул.

Утром меня разбудил женский крик. Я выглянул в окно и увидел метавшуюся по небольшой площади перед башней-дворцом рыдающую женщину.

– Моего мальчика украли! Отдайте моего младенца! Помогите... – громко причитала она.

– Кто не дает отдыхать королю и его вассалам? – вдруг сверху раздался голос Гердериха. – Стража! Взять ее!

Подбежавшие воины скрутили и увели рыдающую женщину. А через какое-то время на ступенях перед башней-дворцом в креслах восседали король, королева, королевна и королева-вдова. По бокам и сзади стояли верховный волхв, Гердерих, Герда и вся свита. Привели рыдавшую утром женщину, и Унгерих спросил:

– Как ты посмела своими воплями мешать нашему отдыху? Что у тебя произошло?

– Великий конунг, – снова залилась слезами женщина. – Сегодня ночью пропал мой полуторагодовалый сын...

Король взглянул мутными глазами на Гердериха и Герду и кивком головы дал слово.

– Какая глупость, – воскликнула Герда. – В охраняемом замке, закрытом на все ворота, никто и ничто не может пропасть!

Она резко опустила голову, прошептала что-то, так же вздернула подбородок вверх.

– Ваше величество, – повернулась она с поклоном к Унгериху, – благоволите позволить мне спуститься к ней?

Тот кивнул. Герда подчеркнуто медленно спускалась по ступеням. Глаза ее горели, тонкие ноздри вздрагивали, раненая рука чуть заметно подергивалась, кожа на лице стала еще смуглее. Она подошла к связанной женщине и... рванула ворот ее рубахи, под которым на груди оказался... крест.

– Я так и знала! – взвизгнула Герда. – Она – христианка. И сама сожрала своего младенца, как у них принято!

– Ваше величество! – из-за угла башни-дворца показался бегущий воин. Он нес что-то белое. В поклоне положил ЭТО на землю и отступил. Все ахнули. Перед королем на ступенях лежало тельце мальчика со следами многочисленных укулов в самых «рудоносных» местах.

– Я нашел его в отхожем месте, – доложил воин.

– Я так и думала! Съесть она его не успела, а только выпила кровь! – опять на высоких тонах крикнула Герда.

– Каков будет ваш суд, ваше величество? – поклонился Гердерих.

– Это твой замок, твои люди, тебе и решать. Я уверен, ты будешь судить справедливо. Такого зверства я еще не видел. Принесите мне вина.

– Пусть первым скажет верховный волхв, – кивнул головой Гердерих.

– Лучше было бы принести младенца в жертву нашим богам... Но она – не волхв! Посему ей надлежит только смерть! – стукнул посохом спрошенный.

– Сжечь ее! – опять взвизгнула Герда.

– Да будет так! – подтвердил Гердерих.

– Ты справедлив, – дернул каменным подбородком Унгерих, осушил свою чашу и поднялся с кресла.

Я взглянул на королеву Гаафу, ее дочь и королеву-вдову. Глаза их были полны слез. Поймав, взгляд Ольга, я увидел в нем печаль. Да что там?! Где-то в самом сердце своем я и сам чувал, что все – совсем не так, как визжит Герда. Но что мы могли сделать? Я развел на череду охраны дружинников и вернулся в свои временные покои. Сразу следом за мной в дверь постучали.

– Слава Перуну, – по привычке бросил я. Вошел Ольг, и за ним – двое моих дружинников.

– Мы должны выйти на площадь! – тихо сказал Ольг. – Здесь в стенах проделаны тайные ходы, и слова, сказанные во всех покоях, многократно усиливаются и становятся слышны хозяевам замка.

Мы шли по небольшой площади, на которой уже сколачивали помост и подвозили вязанки хвороста. Когда мы взобрались по ступеням на крепостную стену, Ольг сказал дружиннику:

– Зуй, рассказывай.

– Алекса, – поклонился дружинник, – я стоял в охране у двери в подземелье. Чреда кончалась с первыми петухами. Я же только заступил, поэтому чувствовал себя довольно бодро. И вдруг в шагах десяти увидел молодую женщину, подманивающую жестами меня к себе. Я в ответ отрицательно покачал головой. Тогда она подошла ко мне и начала ласкаться. Я оттолкнул ее. Но она опять приблизилась и протянула фляжку, обиженно надув губы. Луна была ясная, поэтому я все хорошо видел. «Здесь что-то должно произойти!» – подумал я и сделал вид, что пью из фляги. А ведь ты знаешь, что я пью только мед. Женщина снова отошла шагов на десять и встала, глядя на меня и словно чего-то ожидая. По какому-то внушению – слава Перуну! – я сделал вид, что заснул, прислонившись к стене и опершись на копье. Женщина тихонько свистнула. И появился мужчина со свертком в руках. Вдруг из свертка раздался детский крик, но они быстро юркнули в дверь подземелья... С рассветом внешнюю охрану от двери подземелья снимают. А внутри были люди Гердериха...

– Почему ты раньше этого не сказал? – я резко повернулся к дружиннику.

– Здесь я виноват, – дотронулся до моей руки Ольг. – Не думал, что так развернутся события. А потом мы с тобой все время были на глазах Унгериха и Гердериха. Вот наша вчерашняя тревога!

– Как выглядела женщина? – спросил я уже спокойно.

– Ну... – задумался Зуй, – молодая, красивая. А! При свете луны мне показалось, что из-под покрывала выбилась зеленая, да-да, зеленая прядь волос...

– Зеленые волосы! – вскинулся я, взглянул на Ольга. Но осекся, опустил голову... повелел: – Идите... Зуй, тебе придется уехать, сейчас же! В крепость короля. Сменишь одного из дружинников, которые увезли Горемысла... И никому ни слова, даже – нашим.

Мы дождались, пока Зую отрок подвел коня. Дружинник вскочил и, сопровождаемый отроком, вскоре скрылся в воротах. Мы немного постояли, чтобы убедиться, что за ним никто не отправился следить, и поднялись в мои покои. Много стало мне понятным. Поэтому мы сидели с Ольгом и молчали. В дверь опять постучали. Вошел слуга и принес поднос с холодной олениной, зеленью и кувшином вина. Но ни есть, ни пить не хотелось.

– Зачем мы только мир заключили? – вырвалось у меня.

– Тише, – шепотом сказал Ольг. – Забыл про ходы?

– Они все равно не разумеют по-нашему, – махнул я рукой.

– Ушами-то да! – сказал Ольг загадочно. – А вот как Герда узнала, что несчастная женщина – христианка?

– Шпионы донесли, – усмехнулся я.

– Нет, дорогой мой Алекса, старший брат мой... – и вдруг Ольг сполз с кресла, уткнулся лицом в мой доспех и горько заплакал. «Как же он еще юн», – подумалось вдруг. Я гладил его по голове и приговаривал:

– Успокойся! Успокойся! Ты же воин! Плакать – удел женщин. А мы должны воевать...

Я налил в чашу воды, выпил. Налил еще и плеснул в лицо Ольгу. В это время затрубили рога и трубы. Не глядя на Ольгу, я пристегнул меч, надел шлем...

– Тебе тоже придется быть там, – строго обратился я к нему. И вдруг, неожиданно для себя самого добавил, – а представь, каково сейчас королеве Гаафе, Дуклиде и королеве-вдове Алле?! Наконец, твоей Уирко!

Ольг встал, растер лицо руками:

– Я готов.

Мы спустились на площадь. Помост со столбом, обложенным хворостом, был окружен готфскими воинами. Моя дружина верхом на конях стояла с внутренней стороны крепостных стен. Телохранители Унгериха в полном вооружении охраняли вход в башню-дворец. Жители замка и окрестных селений уже были согнаны на зрелище казни. Наконец, вышли Унгерих, Гердерих, Герда, Гаафа, Дуклида, Алла и вся их свита. Одновременно с этим на помост вывели несчастную женщину и привязали цепями к столбу.

– Хочешь ли чего-нибудь попросить? Я – милостив. И последнее твое желание исполню, – дернул подбородком Унгерих.

– Да, конунг. Пусть твои воины положат к моим ногам тело моего мальчика, – ответила женщина.

Унгерих кивнул, и воин бросил на помост белое тельце младенца. Опять забили барабаны. Кривляясь, приплясывая, откуда-то появились восемь вчерашних шутов и шутих с горящими факелами в руках. Покружив вокруг помоста и прогорлавив что-то непонятное, они обернулись к конунгу и застыли, словно ожидали приказа. И тут я увидел шутиху с... зелеными волосами.

– Действуй, Гердерих! – махнул рукой Унгерих.

– Да будет так! – крикнул Гердерих, и шуты, опять кривляясь и подпрыгивая, подожгли костер с разных сторон.

Все смолкло. Только треск разгоравшегося хвороста нарушал тишину. Вдруг раздался звонкий голос женщины, находившейся в центре пламени:

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что дал пострадать за Тебя! Прими же душу мою и душу сыночка с миром... Упокой во Царствии Твоем...

– Заставьте ее замолчать, – закричала Герда, и один из телохранителей натянул лук.

– Не надо, – остановил его ленивый голос Унгериха. – Тогда она не будет мучиться...

В это время кто-то тронул меня за рукав... Я обернулся. Ольг движением головы показал мне на небо. Я взглянул туда. Даже дыхание перехватило... Лучи солнца сплелись в золотую корону, которая медленно опускалась в центр костра. Не было сил смотреть на нее – так слепил глаза неземной блеск.

Я опустил их, затем перевел на Гаафу, Дуклиду и Аллу. Они тоже увидели корону и улыбались. Я снова взглянул вверх. Теперь там возник силуэт, сгущающийся в страшного старика с длинным кривым носом, достаемым до выступающего далеко вперед подбородка. Этот был противнее и страшнее шута... На голове его развевалась концами по воздуху полосатая тряпка, а грязный балахон по мере приближения к ногам как бы растворялся в воздухе. Он пытался загородить собой корону. При этом все его тело корчилось, словно золото венца прожигало его. Но он терпел... И тут солнце сложилось в огненный крест... Старик пытался отстраниться от него, словно тот обжигал, отводил взгляд, но сопротивлялся... Не исчезал...

Я заметил, что многие из моих дружинников тоже увидели и корону, и старика. И теперь, ожидая моего решения, смотрели на меня, тогда, как руки их сами тянулись к лукам и стрелам.

– Не надо, – услышал я шепот Ольга и сделал останавливающий дружинников жест. А старик в воздухе вдруг растаял.

– Куда ему с Господом бороться! – усмехнулся Ольг.

– Смотрите, смотрите! – кричали жители замка, окрестных селений и кто-то из свиты. Я заметил, что у Унгериха, тоже увидевшего корону, отвис его каменный подбородок.

– Она – колдунья! – кричала Герда. – Не верьте. Этого не может быть!

Обеими руками – даже раненую она выдернула из перевязи – закрывала она лицо, не в силах взглянуть ввысь. И тут в воздухе появилась еще одна, очень маленькая, словно для младенца, но более яркая корона, которая тоже спускалась в костер.

– Стреляйте! – крикнул Гердерих, и в небо полетели десятки стрел. Но, не долетая до короны, они сами собой разворачивались и летели обратно. Телохранители кинулись к королю, Гердериху, Герде и прикрывали их своими щитами. Многие из готфских лучников уже лежали на земле, пораженные своими же стрелами.

Короны опустились в центр костра. Унгериха и его свиту увели в башню-дворец. Убегая, конунг крикнул:

– Князь Алекса, окружить помост! Никого из готфов не подпускать к нему.

Именно такой приказ я и отдал...

Скоро мне сообщили, что рана Герды на руке начала загнивать и она лежит в горячке. Унгерих, Гердерих и остальные приближенные напились вина – мертвецки! – и теперь храпят по своим покоям... Сумерки опустились быстро. Вот уж и ночь. Я, взяв с собой Ольгу, отправился проверять посты.

– Тебе повезло! – тихо сказал он, когда мы достигли середины площади и рядом никого не было – Ты видел Божие чудо!

– Так его все видели! – усмехнулся я.

– То-то и оно. Но не все понимают, что этими венцами Бог и Господь наш Иисус Христос венчает верных своих, воскрешает их для жизни вечной.

– Не поверю, пока не увижу своими глазами, не потрогаю своими руками живых женщину и мальчика, – отрезал я.

Все мои дружинники несли службу исправно. А когда мы с Ольгом возвращались обратно, он вдруг попросил:

– Можно я соберу мощи святых мучеников? Королева-вдова просила.

– Унгерих велел никого не пускать к кострищу, – возразил я.

– Никого из готфов... – улыбнулся Ольг.

Я махнул рукой... И пошел спать.

До обеда я промучился со сложной схемой энергоснабжения нового объекта. Сколько ошибок! Надо звонить проектировщикам... Впрочем – сначала завершить проверку. И тут я вспомнил, что почти неделю назад обещал позвонить Жене Журову, уже известному молодому поэту, улыбчивому, добродушному рязанскому парню, с которым судьба свела в одной из литературных студий. О его стихах Шляховский скептически заметил: «есенинщина». А мне нравятся стихи Сергея Есенина. Впрочем, Мандельштам и Пастернак кажутся ближе... Хотя это, возможно, из-за влияния тех, с кем я близко общаюсь...

Когда из нашего «штаба производства» все ушли на обед, я набрал номер телефона Жени.

– Алло, – я сразу узнал его голос. – Это я, старик. Прости, что долго не звонил. Дела закрутили. Необходимость встречи не пропала?

– Нет, – услышал я в ответ, – это – необходимость для тебя! А кроме того, просто хотелось увидаться, поговорить... Можно даже сегодня. У меня как раз два «пригласительных» в Дом литераторов. На вечер, может быть, идти совсем не обязательно. Посидим в «гадюшнике», попьем кофейку, поговорим... А?

– Идет! Во сколько?

– Давай без четверти семь? Только постарайся не опаздывать. А то после семи могут и не пропустить. Там сейчас новые строгости ввели. И мы с тобой пока еще не члены Союза писателей...

– Договорились, – я положил трубку и пошел обедать в ближайшую «Пельменную». Очередь была такой, что захотелось вернуться на работу и там просто попить чаю. Но тут меня окликнули. Это был Борис, стоящий уже у самой «раздачи».

– Где ты ходишь? – нарочито громко сказал он. – Занял очередь, стою, жду, а ты где-то прохлаждаешься.

– Да вот, схему вычитывал, увлекся, – ответил я, подлезая к нему под турникетом, ограничивающим очередь от зала, – ну как, твоя еще не родила?

– Нет, – улыбнулся Борис, – ждем со дня на день.

– Первенец? – поинтересовался я.

– Ты что? Тре-е-тий! – засмеялся он в ответ, но тут же нахмурился. – А может быть, третья...

– Что, две девчонки?

– Угу... А я хочу парня!

– Правильно. Но про таких, как ты, говорят: «Ювелир!». Мы сели за один столик.

– Пельмени здесь хороши! Я нигде в общепите таких не едал, – махал он перечницей. – Ну, как схема?

– Ошибок очень много. Надо звонить проектировщикам.

– Зачем? Укажи ошибки, напиши докладную, отнеси главному и – никакой головной боли! – пожал плечами Борис.

– Знаешь, я думаю, лучше устно безо всяких докладных договориться. А то получится, что я «стучу», – твердо сказал я. На том разговор и кончился. А часа в четыре меня вызвали к Хмурому.

– Ну, как работается? – дернул он подбородком, когда я вошел.

– Спасибо, стараюсь, – ответил я, не понимая, к чему он клонит.

– Не устаешь?

– Работа есть работа. Каждый, наверное, устает, – пожал я плечами.

– А что ж панику сеешь, на проектировщиков напраслину наводишь, мол, схемы плохо составлены, брак гонят? И что, мол, из-за них трансформатор полетел... – лицо Хмурого приобрело малиновый оттенок.

Кровь ударила мне в голову:

– Я этого не говорил! А схемы по последнему объекту – шестому – действительно никуда не годятся. Давайте при всех инженерах рассмотрим.

– Ишь ты, вече новгородское захотел устроить... Решать, что делать и как, здесь буду я. А социалистическую действительность исказить не позволю. Не прекратишь своих выпадов, уволю, да так, что в ассенизаторы не устроишься. Наше дело – исправлять ошибки на бумаге, чтобы потом трансформаторы не горели. За это тебе сто восемьдесят рублей в месяц платят. Иди, работай, – и он отвернулся от меня.

Я выскочил из кабинета, как из парной, не понимая, за что так окрысился на меня Хмурый. Навстречу попался Борис:

– Чего он тебя вызывал?

По его заискивающе участливому тону я все понял и соврал:

– Хвалил за работу. Да про тебя спрашивал, как ты на трансформаторе себя проявил.

– Ну и ты?

– Сказал, что ты классный специалист, грамотный, уважаемый и авторитетный начальник участка.

Я прошел мимо него. А он так и остался стоять с выпученными в пространство глазами.

«Как я его!» – ликовалось в душе. И решил «добить» схему, благо до Центрального Дома литераторов мне всего полчаса пути. И когда без пяти пять все начали собираться по домам, я продолжал вычитывать предпоследний – метр на метр – лист схемы.

В комнату заглянул Герман Васильевич:

– Что это ты домой не собираешься?

– У меня встреча в семь на Краснопресненской. Время еще есть. Что ж я зря его терять буду?! Да ошибок много... – ответил я.

Главный зашел ко мне за спину, взглянул на схему.

– Да, – почесал он затылок, – а что тебе говорил сегодня Ульянов?

Я все рассказал.

– Не зря я тебя предупреждал. Борис-то на твое место метил. А тут взяли тебя, – вздохнул он.

– Зачем? – удивился я. – Он же на своем месте вдвое больше меня получает!

– Э, дорогой мой! Ему нужно в худшем случае стать главным инженером управления. Вот он и роет землю... Завтра схемы – мне на стол. Буду писать рекламу. Исправленные ошибки обведи красным фломастером. И поменьше болтай языком о своих делах. Если Ульянов что скажет, сошлись на мое распоряжение...

– Завтра – суббота, Герман Васильевич.

– Конечно, схемы – ко мне в понедельник. Счастливо! – и главный инженер закрыл за собой дверь.

Было минут пятнадцать седьмого, когда я «добил» схему. Хотел было сунуть папку с ней в стол, но вспомнил про Бориса. И положил схему в сейф.

Через двадцать пять минут я стоял у входа в Центральный Дом Литераторов Союза писателей СССР. Вскоре подбежал Женя. Он был в светло-коричневом костюме, оранжевой рубашке и в коричневом с ядовито-желтыми полосами галстуке. А его улыбчивое курносое лицо, как всегда, напоминало то ли Левшу, то ли Балду, то ли еще кого из добрых русских детских сказок.

– Заждался? – бросил он на ходу. – Пошли!

Мы отворили тяжелые дубовые двери с медными, начищенными до блеска, ручками. Женя помахал пригласительными билетами перед лицами контролерш и ринулся в «гадюшник». Я – за ним. Однако и здесь стояла контролерша – сухощавая, низенькая, лет под шестьдесят дама с ярко накрашенными короткими завитыми волосами, губами, бровями и веками.

– Молодые люди, – продекламировала она, – а у вас есть билеты членов Союза писателей СССР? Если вы на мероприятие, то оно начинается через пять минут в Малом зале.

– Ой, – сжал ладони Женя, – мы же прямо с работы. Голодные. По чашке кофе выпьем и сразу – на вечер.

– По чашке кофе? Ну ладно, – отвернулась от нас контролерша.

«Гадюшник» – преддверие ресторана, подделанного под ореховое дерево. «Гадюшник» можно назвать и буфетом, и баром, и кафе. Стены здесь были разрисованы шаржами на «мэтров» советской и дружественных народно-демократических культур. Со смешными стихотворными надписями, типа «Съев блюдо из восьми миног, не мни, что съеден осьминог» или «Я недавно ел тушенку, вспоминал про Евтушенку». И тому подобное.

– Старик, – шептал Женя, когда от буфетчицы за стойкой отделяло нас пара человек, – Таня просила меня много не пить сегодня. Да и поговорить надо. Но я тут за стихи гонорар получил. Давай к кофе возьмем по соточке коньячку?

«Эх, Женька, Женька, правильно про тебя говорят – широкая русская душа!» – вздохнул я, но возразил:

– У меня тоже есть деньги!

– И-и-и, оставь! Я хочу угостить, – улыбнулся он.

– Слушай, а ну как появится эта церберша от входа в «гадюшник»?

– Да она про нас уже и забыла! – махнул он рукой и обратился к буфетчице. – Пожалуйста, два двойных кофе, два по сто коньяку, лимончик, две тарталетки с сыром и две с печеночным паштетом.

Вскоре мы сидели в углу под нарисованными с раздвоенным взглядом супругами Бит-струпами. И, подняв рюмки за публикацию стихов Жени, закусили лимоном, тарталетками и запили кофе.

– Ну, – загадочно улыбнулся он, – не надоела тебе твоя инженерная работа?

– Хуже керосину, – в тон ответил я словами из сказки Шергина.

– Ну, вот и ладно. У меня в информационно-издательском отделе Центрального Дома культуры железнодорожников, где я, как ты знаешь, работаю старшим редактором, освободилось место редактора с окладом 130 рублей. Тебе бы – на него! Ну как? – он глотнул кофе и закурил.

– Видишь ли, Женя, – я не знал, как и сказать...

– Понимаю, маловато. Но через полгодика станешь старшим редактором с окладом 180 рублей. Ты ведь сейчас столько же получаешь?

– Не в этом дело. Мне только и хочется заниматься любимым делом. А это – литература. Хотел бы и очень хотел с тобой работать! Но... – я опустил глаза и рассказал ему всю мою историю исключения из партии, почему-то подумав, что могу доверять Жене.

– Да, «построили» тебя, – вздохнул он. Вдруг глаза его вновь оживились. – А знаешь, наш директор сейчас в отпуске. А Галина Евсеевна, его заместитель, – чудесная тетка! Я ей как-то рассказывал о тебе как о талантливом литераторе. Она и примет тебя на работу.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Только события надо форсировать. Отпросись с работы в понедельник, в крайнем случае во вторник. Соври что-нибудь. Сразу звони мне и приезжай, а почву я подготавливаю. Хочется все-таки с близким по духу человеком работать. И успокойся, пожалуйста! Я понимаю твое положение. Но ведь мы оба – русские люди! Так кто, если не мы, будет помогать друг другу?! Придумаем что-нибудь! – протянув через стол, положил он руку мне на плечо.

– Молодые люди! Товарищи молодые литагаты! – раздался над нами сухой скрипучий голос. «Опять кто-то под Высоцкого косит...», – подумал я, отворачивая голову к стене.

– А вы не отвогачивайте голову!.. С вами говорит стагый человек. И не пгостых кго-вей... – продолжал голос. – Налейте стагику гюмку коньяку... А! Какова гифма? Налейте-налейте! И я навеки оставлю вас. А хотите, стихи почитаю?

– Слушай, Виленыч! Иди за свой столик, я сейчас принесу тебе. Неужели тебе твоя кровь не подсказывает, что не очень вежливо вмешиваться в чужой разговор? – встрепенулся Женя.

Я поднял глаза и увидел старика, горбатый нос которого свисал до далеко вперед выступающего подбородка. Зеленый мятый костюм был в жирных пятнах. «Где-то я уже видел его... И очень даже близко... На кого-то он очень похож...», – возникла мысль. Но ничего не вспомнилось.

Женя поднялся и, взяв его под руку, отвел за другой столик. Я видел, как он принес ему рюмку коньяку, вернулся к стойке буфета и пришел с маленьким подносом, на котором стоял графин граммов на триста, тарелки с ветчиной, лимоном, тарталетками и две чашки кофе.

– Что он такой... страшный что ли? – спросил я.

– Он не страшный, – безразлично отозвался Женя, – он совершенно трезвый, хитрый и подлый.

– Что ж ты на него потратился?

– А чтобы поскорее отвязался.

– А кто он?

– Кто?.. Называет себя писателем. Говорят, выходили у него какие-то книжки про Троцкого, Урицкого, Дзержинского. В духе Пролеткульта... Ты не читал? Я – тоже нет. Потом – стихи для детей про Маркса, Энгельса, Ленина... Сейчас, говорят, пишет про Брежнева...

Я обернулся в сторону грассирующего старика. И увидел, что напротив него сидят... Вадик Шляховский и Соня. Старик что-то доказывал им, размахивая рукой со сложенными в круг большим и указательным и растопыренными остальными тремя пальцами. Шляховский глядел на Соню и скучал, потягивая из стакана что-то темное. Соня же не отрывала глаз от старого литератора, и, казалось, впитывала каждое его слово. Дым от ее сигареты, вставленной в длиннющий мундштук, вился над головой биографа лидеров КПСС, сплетаясь в какой-то полосатый шарф.

«Может быть, опять видение?» – подумал я ошарашенно.

– Саша, что с тобой? – Женя испуганно потряс меня за плечо...

– Да ничего, засмотрелся, – встряхнулся я. И пропел, кивая в сторону Сони, – вон, глянь, «какая женщина»!

– Моя Танюша лучше! К тому же эта...

– Саша, Женя! – раздалось прямо над моим ухом. Рядом с нами стояли парень и две девушки из литературной студии МГУ.

– К вам можно присоединиться? – спросила одна из юных поэтесс.

– Конечно, присаживайтесь, – добродушно ответил Женя. А я так хотел продолжить разговор.

Кавалер юных дарований вынул из портфеля бутылку коньяку, два яблока, уже нарезанный лимон в целлофановом мешочке. Все это он разложил по нашим тарелкам. Разлил по рюмкам.

– Ну, вздрогнем! – произнес он. – За поэзию!

Все поддержали тост.

– Ну, теперь мы – вниз, – поднялся из-за стола Женя.

Юные дарования должно быть подумали, что под низом подразумевается туалет. Контролерши на выходе из «гадюшника» уже не было.

– Ты знаешь, по-моему триста грамм коньяку вполне достаточно, – сказал Женя.

– Но там же все наше осталось, – возразил я.

– Ты что, еще выпить хочешь?

– Нет.

– Я тоже. Давай прогуляемся по Москве вечерней, переходящей в ночную?

– По-ошли!! – согласился я и подумал, что почему-то сегодня совсем не хочу видеть гостеприимной Сони и Вадика Шляховского.

Мы шли по Садовому Кольцу, и я рассказывал Жене:

– Вот – дом Берии, куда он, как говорят, привозил женщин, приглянувшихся ему на улицах, по которым проезжал. После этого их никто не видел... А это знаменитый дом-комод Чехова...

– А ты знаешь, – сказал вдруг Женя, – я не люблю его.

– Я тоже, – смешок буквально вырвался из меня.

– Почему?

– Потому что он не любил Россию! У него нет ни одного положительного героя – русского!

– Да-да! Они, эти писатели из «серебряного» века почти все в то время выискивали в русском народе самое грязное, самое мерзкое и в своих, с позволения сказать, произведениях, прикрывшись юмором или еще чем-нибудь, выдавали эти исключения как образ жизни всего народа, – рассуждал Женя.

– «Серебряный век», – вздохнул я.

– А возьми живопись! «Передвижников»! Какие-то революционеры-демократы, обличители всех и вся! Есть, конечно, исключения: Васнецов, Верещагин, Поленов, Нестеров, Крамской, Шишкин... Но в большинстве-то своем! – не унимался Женя.

– А ведь и в литературе были Достоевский, Аксаковы, Лесков, – подхватил я.

– Они, к сожалению, – исключения, – покачал головой Женя.

– А может быть, те, кто сейчас пропагандирует «передвижников» и иже с ними, исключения ввели в правило, а истинное правило нам просто не раскрывают? – вспомнилась вдруг недавняя мысль.

Так мы дошли до Пионерских прудов...

– А знаешь, – сказал я, – раньше они назывались Патриаршими.

– Это по Булгакову?

– Это еще до него! Он просто использовал место и название, – засмеялся я. – А Патриаршими они называются потому, что все дома вокруг них до революции принадлежали Патриарху. И он сдавал за условную цену бедным студентам, бездомным и всякой нищете... Давай посидим.

Мы опустились на лавочку.

– Саша, мне очень понятны твои переживания, – вдруг Женя перевел разговор на другое. – А знаешь почему? Знаешь, как я в Москву попал? Ведь мы с родителями жили в Улан-Удэ. Отец был главным прокурором города. И со своей следственной группой вышел в одном расследовании на секретаря горкома КПСС... Что там было, можно только предполагать. Отцу предложили закрыть дело. Он отказался. В результате всего этого родители срочно отправили меня к родственникам в Москву. Вскоре переехали сами. Оставили все: квартиру, мебель, машину... Просто бе-жа-ли! Жили по квартирам. Родня из-под Рязани собрала денег. Купили квартиру в Лыткарино. Я уже учился на историческом. Там встретил Танюшу. Женился...

– А-а-а! Вот вы где спгытались! – раздался голос у самого уха. Над нами стоял бытописатель жизни основателей марксистско-ленинского учения. Он бесцеремонно втиснулся между нами на лавочку.

– Вы что же, думаете, у стакого писателя денег нет?! – он достал из кармана пиджака бутылку коньяку. – Вот, иду себе домой. И вижу: сидят мои юные дгузья. И, умоляю вас, тгез-вые! Я как потомок князей Голицыных не мог пгойти мимо. Тем более что пговегил вас на способность добродетели. И вы поступили благогодно.

Из другого кармана он достал складной стаканчик. Словно фокусник, дернул рукой – стаканчик разложился. Виленыч оскалился в улыбке и вдруг стал похож на волка... Я даже мотнул несколько раз головой, чтобы отогнать видение.

– Дегжи! – протянул он мне стаканчик. – Как тебя зовут?

– Александр.

– Пгекгасное имячко! Ты, навегное, очень талантлив... А ведь здесь я сидел, как вчегя помню, с Колей Губцовым. Так же пили коньяк. А чегез полгода его не стало... Эх, помянем! Я вдруг увидел, как Женя отвернулся и перекрестился.

– А меня зовут Энгмаг Виленович. Мои бедные годители назвали так, чтобы год князей Голицыных не газвелялся по ветгу. Мама настояла, чтобы и папа сменил имя. Что ж, вгемя было такое. Но и в нем была своя гомантика!.. А чем же вы, Александр, занимаетесь? – отвлекся он вдруг от своих воспоминаний.

– Я инженер.

– Не очень благодатная пгофессия... Но я не об этом. В литегатуге чем утгуждаете себя?

– Стихами.

– О-о! Это пгекгасно! Я их тоже пописываю иногда.

– Виленыч! Прости, нам еще далеко добираться по домам. Ты-то где-то здесь живешь?

– На Смоленке. В доме ветеганов ЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, – гордо вскинул голову старик. – И гогжусь этим. Пгеставьте, князь – и в доме своих вгагов... Ну, выпейте же со мной! – налил он в стаканчик, который все еще был в моей руке. Я взглянул на Женю. Он взял стаканчик у меня и вдруг, взглянув на небо, воскликнул, – ой, звезда летит...

И я, и старик автоматически вскинули взгляды вверх. Я опустил голову быстрее старика и заметил, что Женя сделал какое-то движение над стаканчиком. Потом залпом выпил.

– Летит звезда – загадывай желание... Вы загадали молодые люди? Тепегь твоя очегеть, Александг! – учтиво поклонился старик, налил еще раз, взяв стаканчик у Жени и передав мне.

– Спасибо тебе, Виленыч! – положил левую руку на плечо старику Женя, наваливаясь всем телом на него, а правой незаметно перекрестил стакан. Не от меня он скрывал этот жест...

– Не за что... Немцы говорят: «Пусти хлеб по геке, и он вегнется к тебе с маслом». Ты налил мне хлеба, я вегнул его тебе с маслом...

Он резко повернулся и, слегка шатаясь, побрел по аллее.

– А его сейчас в милицию не заберут? – спросил я.

– Как бы после него нас не забрали, – вздохнул Женя, оглядываясь вокруг.

– Слушай, он же сказал, что шел домой. Но Смоленка от ЦДЛа в противоположной стороне по Кольцу, – мысль эта ошеломила меня.

– Вот и я о том же! Мы, хоть и выглядим трезвыми, но у милиции – тоже план... Запах-то есть. Ладно, пошли.

Мы долго шли молча. Забирать нас, похоже, никто не собирался.

– Жень, – спросил я, – ты крестил стакан?..

– Меня так бабушка учила в детстве: все крестить – и еду, и питье, и одежду, и квартиру! «Крест, – говорила она, – всю нечистую силу разгоняет».

– А Виленыч-то что, нечистая сила? – улынулся я.

– Как тебе сказать? Если я не верю человеку ни на ноготь, лучше побережусь. Бабушка говорила, что главный лжец – сатана. А люди-лжецы – слуги его...

– Ой, а, сколько сами-то мы ежедневно лжем!? – усмехнулся я. – Так что ж, мы тоже – слуги?

– Не знаю, как и оправдаться. Нас учили этому всю жизнь. К тому же мы лжем не для того, чтобы навредить кому-либо. Где-то я читал, что ложь бывает во спасение...

– А ты что, в Бога веришь?

– А ты что, не веришь, что ли?

– Я... не знаю...

– Вот чудной!

– Ты что ж, и крест носишь? И в церковь ходишь? – я даже остановился.

– Танюша каждый раз, когда я меняю рубашку, пришивает крест под карман. А в церковь ходит в основном она. Не часто, ну... раз в месяц. А я – на Пасху, на Рождество... Ведь если узнают у меня на работе... – он опустил глаза и сыронизировал: – И-де-о-ло-ги-чес-кий фронт!

– А почему ты мне это рассказываешь? Может быть, я стукач?! – вдруг спросил я.

– Ты!? – Женя согнулся от смеха пополам.

– А знаешь, когда готовили дело на исключение меня из партии, главным обвинительным документом был донос солдата – самого отъявленного разгильдяя части.

– Саша, у меня отец был прокурором. И все это я знаю... ну, если не с младенчества, то с первого сознательного дня, – вдруг серьезно сказал он. – И поэтому хочу тебе помочь... Вот перейдешь к нам... Поедем в отпуск ко мне в Лужки, на Вожу!

Он мечтательно возвел глаза...

– Молодые люди, предъявите ваши документы, – услышали мы сзади. И, обернувшись, увидели, трех милиционеров. Главный из них – старшина – постукивал резиновой дубинкой

по ладони и смотрел на нас холодными, ироничными глазами. Двое других стояли, расставив широко ноги и заложив руки за спины.

– Пожалуйста, – сделав спокойное лицо, Женя вынул свое удостоверение из кармана.

– Так, – светил фонариком старшина и читал, – старший редактор Центрального Дома культуры железнодорожников. Вы только представьте себе, – обернулся он к своим, – старший и в нетрезвом состоянии... Сейчас мы в отделении узнаем, какой он старший.

И положил удостоверение к себе в карман.

– А ваши документы? – обратился он ко мне.

«Этого мне только не хватало!» – подумал я, но послушно протянул ему свое удостоверение.

– О! – воскликнул старшина, взглянув в него. – Тоже старший, только инженер! Так сказать, содружество науки и искусства. Ну что ж, пожалуйста в машину, товарищи интеллигенты.

И он с издевательским поклоном указал на ГАЗик, стоявший недалеко.

– Навел, старый, вечный... – следующего слова, прошептанного Женей, я не расслышал. И мы сели в зарешеченную заднюю часть машины. После короткой поездки машина остановилась, дверь открылась и раздался голос:

– Руки за спину, голову вниз, а то по почкам дубинкой получишь...

Мы подчинились. В отделении старшина, по-прежнему похлопывая дубинкой о ладонь, подошел к окну дежурного, бросил туда наши удостоверения и сказал майору, сидевшему по другую сторону стекла. – Вот, в нетрезвом состоянии, пытались ограбить старого человека, сына ветеранов КПСС, по его заявлению, выкрикивали антисоветские лозунги на Пионерских прудах. Задержаны «по горячим следам».

– В «обезьянни» их, – бросил в ответ майор. Потом задумался, взял одно удостоверение, другое, посмотрел спросил громко. – Кто из вас Евгений Юрьевич Журов?

– Я, – ответил Женя.

– Простите, а вы не из Улан-Удэ? Не сын ли Юрия Ивановича?

– Да, сын.

Майор повернул голову к старшине:

– Иди на маршрут. Протокол, если нужно, я сам составлю. Кстати, а письменное заявление от твоего ветерана есть? Адрес, имя, фамилию, отчество его знаешь? Документы у него проверил?

– Не-е-т, – растерялся старшина.

– И-и-и, дорогой ты мой. Боюсь, что скоро тебе более узкие лычки на погоны нашивать придется. Нарушаешь уголовно-процессуальный кодекс. Иди на маршрут. И еще один «протокол» – я обязан буду написать на тебя рапорт.

Когда старшина с помощниками ушел, майор вышел из «дежурки» и обратился к Жене:

– Так что, Юрий Иванович жив и здоров?

Женя как-то съезжился, замкнулся, опустил голову.

– Да ты не бойся! – майор оглянулся назад и по сторонам. – Я после того дела сам бежал из Улан-Удэ. Слава Богу, муж двоюродной сестры в Москве, на Петровке. А поговаривали, что твоего отца убили...

– Можно мне позвонить? – спросил Женя.

– Конечно! – майор протянул руку в окно и выставил телефон наружу.

– Как вас величать? – взял трубку Женя.

– По-русски: Иванов Иван Кузьмич. Я был в Улан-Удэ заместителем начальника горотдела по профилактике правонарушений...

– Таня, – сказал Женя в трубку, набрав номер, – выйди на улицу, позвони из автомата отцу. Мы в 108-м отделении милиции. Здесь майор Иванов Иван Кузьмич из Улан-Удэ...

Все. – И он повесил трубку. Потом повернулся к майору и, добродушно улыбнувшись, сказал: – Ждите ответа...

– Ты не представляешь, – говорил майор, убирая на место телефон, – я так уважаю твоего отца. Он хоть и прокурор, но настоящий опер! Честный!.. Может быть, отдохнете в моем кабинете?.. Есть хотите?.. Нет?.. Зря, конечно, вы выпили...

В это время раздался телефонный звонок.

– Ванюша! Ты?! – даже мы услышали из трубки. – Жив! Здоров! Ну, слава Богу! Что, там Женька натворил? Я сейчас возьму такси и приеду...

– Не надо, – улыбался майор. – Я их на служебной машине по домам прикажу развезти. Все нормально. Нет даже события правонарушения. А вот как бы нам свидеться, Юрий Иванович?.. Хорошо, записываю...

Он записал номер телефона на клочке бумаги и, попрощавшись, повесил трубку.

– Ну, – весело взглянул он на нас, – по коням и домой! Эх, как хотелось бы поговорить! Ну, да ладно!

Мы ехали в милицейском ГАЗике в сторону Сокольников. Я спросил у Жени:

– А почему ты почувствовал, что нас могут забрать?

– Да мне рассказывали, что этот Энгмарк Виленович любит так «шутить». И при этом не оставляет ни заявлений, ни своих координат – ищи его потом, свищи... А у людей ночь испорчена. Нас бы в любом случае утром отпустили бы... В худшем случае, побили бы слегка...

– А что у него такие странные имя и отчество?

– Имя его составлено из двух: «Энгельс» и «Маркс», а отчество – сокращенно «Владимир Ильич Ленин», – как о чем-то обыденном говорил Женя. Вдруг он улынулся. – Тогда с именами многие чудили. В ЦДЛе работают две престарелые красавицы – Элла и Инна. Так вот, в паспортах у них там, где имя, написано у одной – Электрификация, у другой – Индустриализация... Я не видел сам, но байка такая ходит.

– А что, он действительно – Голицын?

– Он сам так всем говорит. Только Голицыны разные были. Одни строили церкви, больницы. Другие участвовали во французской революции. Он, видимо, из последних... Как рассказывают, папаша его, Владимир Голицын, женился на Софии Яковлевне Сальской и по ее требованию изменил не только имя и отчество, но и фамилию на «Галинин»... Иначе бы его еще в двадцатых годах расстреляли за принадлежность не к рабоче-крестьянскому сословию... Что подобные факты имели место, известно. Но самому Вилену верить-то тоже опасно, в чем мы с тобой сегодня убедились. А знаешь, – переменил он тему разговора, – может быть, переночуешь у меня? Места много – трехкомнатная квартира. Танины родители на даче.

– Вообще-то я люблю спать в своей постели...

– Да разговор хороший у нас получается... Мы у Танюши сейчас бутылочку коньячку выклянчим. И если честно, она при тебе не так сильно ворчать на меня будет...

– Ну, только, разве, ради этого, – согласился я со смехом. Нас довезли до подъезда.

– У тебя куда окна выходят? – спросил сержант-водитель.

– Во-он на седьмом этаже, – показал Женя.

– Когда в квартиру войдете, свистни из окна, чтобы я был спокойным за то, что вы дома, – убавил он обороты.

Нам открыла дверь хозяйка.

– А я не один, любимая. Знакомься, это – Саша, – показал Женя на меня.

– Заходите. Таня, – представилась она. Темные, с легкой, не по возрасту, сединой, вьющиеся волосы, тонкий, с почти незаметной горбинкой нос, красивые пухлые губы, большие голубые глаза на бледном лице, статная фигура – вот что сразу бросилось в глаза.

«Да, отхватил себе Женя супругу!» – подумал я безо всякой зависти, а даже с незнакомой мне прежде радостью. «Божие творение», – откуда-то появилась мысль.

– Танюша, – опустил глаза Женя, когда мы уселись за столом на кухне, – скрывать нам нечего. Виленьч «пошутил»! Помнишь, я тебе рассказывал о нем? Но в милиции мы пережили такой стресс!.. Налила бы ты нам чего-нибудь... Завтра же выходной... А я с утречка и по магазинам пробежусь, и квартиру пропылесосу... Да, чуть не забыл...

Он открыл окно и, свистнув, помахал рукой.

– Ну!? Так как насчет того, что снимает стресс? – повернулся он снова к жене.

Таня покачала головой:

– Ох, и хитер же ты, Журов! Ну да что с вами сделаешь?! Кстати у меня в ожидании и волнениях тоже и сердце, и голова разболелись. Андрюшка долго не засыпал... Так что и я с вами рюмочку выпью.

Через минуту она принесла откуда-то из комнат бутылку коньяку. Быстро порезала лимоны, яблоки, поставила на стол вазочку с конфетами и вдруг перекрестилась на угол, где только теперь, взглянув, я заметил иконку.

– Ох, Женя, пятница сегодня! Не надо бы... Ну да ладно, привод в милицию без пяти минут члена Союза писателей – действительно стресс.

– Таня, простите, а причем здесь пятница? – я недоумевал.

– Саша, давай на «ты», коли оказался в нашем доме. Даже к Богу мы на «Ты» обращаемся. Я когда слышу «вы», не понимаю, сколько меня, и ко мне ли или к тому, кто за левым плечом, обращаются.

– Ре-бя-та! – воскликнул Женя. – Хватит философий. Давайте за ваше знакомство и за Сашин визит к нам. А пятница, Саша, у православных христиан – постный день: не едят мяса, яиц, молочных продуктов...

– Женя! – как-то смешно, неестественно для ее лица, нахмурила брови Татiana, – не дави на человека... Сам предложил тост, а теперь отлыниваешь! Коньяку что ли жалко?

Теперь она уже не смогла сдержать улыбки. И пока шла эта добродушно-шутливая перепалка, я любовался ими. Мне было здесь хорошо, словно я знал Женю и Таню неведомо сколько.

– Ну, давайте! – Женя наконец-то поднял свою рюмку, и мы сдвинули свои.

После каких-то общих беспредметных разговоров Таня вдруг начала рассказывать:

– Папу посадили сразу после войны. Там он был военным переводчиком. Ему было всего двадцать два... Мама ждала его восемь лет. Ездил к нему, а в Москве ходила в Елоховский, молилась. Он приехал, но весь больной – поэтому и освободили досрочно... Они сразу поженились, но папа приходил в себя еще три года. Мама возила его по санаториям, в деревню... Потом он учился, потому что немецкий язык стал противен ему до аллергии на руках, груди, шее. Окончил технический ВУЗ, защитил диссертацию. А тут и я появилась... – глаза Тани почему-то погрузтели, Женя глядел в свою рюмку. А я молчал, потому что молчали они.

И тут Таня вдруг сказала:

– А вообще, Саша, ведь я им – не родная дочь. Приемная. Папа после лагерей не мог зачать ребенка. Вот они и взяли меня из «Дома малютки». Но они – мои родители! И я благодарю Бога за то, что они есть.

«Как-то странно, что у всех неплохих людей – такие невеселые ситуации! Да и что мои проблемы по сравнению с их проблемами? А ведь ни у Шляховского, ни у Сони, ни у Эдика такого нет... Или они просто не рассказывают? Нет, у них действительно все благополучно, если они так носятся со своим «Я», – подумалось мне, но вслух вырвалось:

– Таня, а почему вы, ой, прости, ты со мной так откровенна?

– Женя плохого человека в дом не приведет. Молитвы наших матерей – на страже. Да и что-то подсказывает – у тебя тоже не слишком сладко сложилась жизнь...

– Саш, если позволишь, я расскажу Тане, – вмешался Женя. Я кивнул. Но Таня встрепенулась:

– Что-то я действительно заболталась... Должно быть, коньяк подействовал. Пойду, постелю Саше в комнате родителей. А вы тут посекретничайте.

Зазвонил телефон.

– Кто это в такое время? – взял трубку Женя. – Ой, папа... Да, прости за то, что не позвонил. Доставили с комфортом... Что?.. Все нормально. Не волнуйся. Поцелуй маму. Спокойной ночи...

– Жень, – спросил я. – А что это: Лужки, Вожа?

– Это родина моих предков под Рязанью. И вообще – великое место! Там, в восьми километрах от Лужков, была битва, которую историки называют генеральной репетицией Куликовского побоища. Мамай двинул темника Бегича на Русь. А князь Олег Рязанский, которому шестьсот лет поют анафему, живший тогда в Орде и являвшийся, как говорят сейчас, стратегическим разведчиком, сообщил Димитрию Донскому маршрут продвижения татар. Именно на Воже, в Глебовом Городище, по известным мне данным две тысячи русских воинов уничтожили тьму – десять тысяч – захватчиков. Но, по-моему, и врагов и наших было больше... Если учесть, что у ордынцев погибло семеро высокопоставленных князей... А такие у них – каждый! – командовал тьмою. Вот и считай! Я там все на коленках излазил. Нашел кольчугу, тут же рассыпавшуюся в труху, медный крест, саблю, несколько наконечников от стрел, – русских и татарских, а самое главное – татарский топорик.

– А как ты это различаешь? – удивился я.

– Я же истфак заканчивал! А тема эта близка мне. Мама моя родилась в Лужках. Там две трети деревни – Журовы.

– Так что ж, у тебя фамилия матери, а не отца?

– Пришлось всем переменить, когда уехали из Улан-Удэ. А то ведь и здесь могли достать... Но вернемся в Лужки. Там теперь еще живет родной брат мамы, дядя Леша. Я теперь к нему раза три-четыре в год навещаюсь. А как он играет на гармошке! Хочешь, послушать про него?

– Конечно!

И Женя прочитал:

Дядя Леша играет, и лошади фыркают за огородом.
Ой, как сердце сжимается, даже боюсь за него!
Две собаки какой-то немислимой местной породы
С упоением слушают голос гармошки его...

«Шляховский назвал бы это «есенинщиной», – подумал я. А мне нравилось!

– Ну как? – спросил Женя.

Я сжал ладонь в кулак и поднял вверх большой палец:

– Жень, вот объясни мне, многие бы назвали эти стихи «деревенщиной», «есенинщиной»...

– И-и-и! Наслушался ты на литературных студиях всяких авангардистов! Но рассуди сам: испокон веков города живут за счет деревенского труда. Культура, истинно русская культура пришла из деревни. Когда стали рушить церкви, дольше всего они простояли в деревнях. Ополчение на войны выставляли в основном деревни. И я считаю, что истоки русского менталитета – именно в деревне. А Пушкин? Стал бы он в полной мере собой без деревенской нянюшки Арины? Поливая грязью деревню, расстреливая поэтов-«деревенщиков», с этим менталитетом и боролись всякие троцкие, дзержинские, демьяны бедные, джеки алтаузены и иже с ними. Им нужно было убить истинно русскую культуру... Возьми теперь Мандельштама, Ахматову, Цветаеву, Пастернака, Брюсова... Они любили себя, воспевали свои копания в самих себе на фоне России. Нет, я не отрицаю их поэтических талантов... Но все их творчество – выдуман-

ная, смоделированная ими в собственных мозгах жизнь. А не та, которая дается, как говорит Танюша, благодатию Божией – России, подножию Божию и русскому богоизбранному народу. Упомянутые же поэты не себя подчиняли России, а хотели Россию подчинить своим поэтическим моделям. И если в прошлом веке – это научно доказано – книжки Пушкина, Никитина, Некрасова, Кольцова были во многих простых крестьянских домах, то я, не раз бывая в археологических, фольклорных экспедициях, что-то не видел первых даже в домах деревенских интеллигентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.